

Ирина
Левонтина

CoRpus

ёМ
Речёв

Ирина Левонтина

О чём речь

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Левонтина И. Б.

О чём речь / И. Б. Левонтина — «Corpus (АСТ)», 2016

ISBN 978-5-17-092641-1

Ирина Левонтина – известный ученый-лингвист, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, автор словарей и блестящих статей, популяризатор лингвистики, специалист по судебной лингвистической экспертизе. Автор книги «Русский со словарем», в 2011 году ставшей финалистом премии «Просветитель», колумнист газеты «Троицкий вариант – Наука». «О чем речь» – продолжение «Русского со словарем». Это тоже собрание веселых и ярких эссе о жизни русского языка, об изменениях, которые происходят в нем на наших глазах. А еще, по словам автора, ее книга о том, «что язык неотделим от жизни. Настолько, что иной раз о нем и поговорить почти невозможно: пишешь про слова, а читатели яростно возражают про жизнь. Наша жизнь пропитана языком – и сама в нем растворена».

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092641-1

© Левонтина И. Б., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
От автора	7
Что новенького	8
Навешивание ярлыков	8
Пафосня	11
Скромное обаяние нормы	14
Дела и делишки	17
Контент-анализ	19
Дематериализация	21
До востребования	23
Качество	25
Здоровое равнодушие	27
Бэд карма и мастдай	29
На ход ноги	31
Лишняя информация и обманутые ожидания	33
Неуловимое	35
Слова и случаи	38
Я вкус в нем нахожу	38
Могём!	41
Умом олимпиаду не понять	44
Концептуализация	46
Запад есть Запад, Восток есть Восток	48
Черта местности	51
Извини-подвинься	53
Чтоб не пропасть поодиночке	55
Колыбельная для лифта	57
Вопрос ребром	59
Стыд в узде	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ирина Левонтина

О чём речь

© И. Левонтина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Издательство CORPUS ®

* * *

Вместо предисловия

Книга Ирины Левонтиной – о самом важном, что есть в мире, об эволюции. Можно сказать, что язык – самое молодое эволюционное приобретение нашего биологического вида. Но можно сказать иначе: без языка не было бы никакого человечества. Но как бы мы ни пытались разрешить эту загадку – человек изобрел язык или язык создал человека, – несомненно одно: эволюция языка происходит с такой фантастической скоростью, что изменения фиксируются на протяжении жизни одного поколения, и в этот процесс оказываются вовлечены миллионы людей... Все мы – умные, глупые, высокообразованные и безграмотные – оказываемся равноправными участниками этого процесса.

Удивительная книга Ирины Левонтиной, лингвиста и филолога, уникальна: не знаю другой книги, в которой строгое научное содержание столь элегантно сочеталось бы с простотой изложения, остроумием и полным бесстрашием. Она опрокидывает расхожие мнения, прочитает снобское отношение к языку, примиряет старших с младшими, учит мудрости и терпению.

«Академическое» знание не входит в привычное противоречие с практикой жизни, наука и жизнь в этой книге замечательно «договариваются» между собой, что случается не так уж часто.

А за что автору отдельная благодарность от читателя – она узаконила наше святое право «потрындеть». Или «потрендеть». Из ее книги следует, что наш язык еще не определил «правильной» формы для этого глагола и мы пока имеем право и на то, и на другое. Вот о том и речь!

Людмила Улицкая

От автора

Моим детям Варе и Грише

«О чём речь» – продолжение моей предыдущей книжки «Русский со словарем». Это тоже собрание пестрых рассказиков о жизни русского языка. Книга основана на колонках, которые я публиковала в последние лет пять-шесть в газете «Троицкий вариант – наука» и интернет-издании stengazeta.net.

Пожалуй, новая книжка немного другая. В ней меньше веселых баек про дурацкие названия магазинов и несколько больше экскурсов в лингвистику. Как будто мой читатель уже слегка поднаторел и познал толк в языкознании.

Перечитывая книжку сейчас, я с некоторой досадой вижу, как много места в ней уделено не самым приятным персонажам. Но что поделать – такова, значит, была в последние годы наша жизнь, что персонажи эти так сильно занимали наши уши и наши мысли.

Вот, собственно, и книжка о том, что язык неотделим от жизни. Настолько, что иной раз о нем и поговорить почти невозможно: пишешь про слова, а читатели яростно возражают про жизнь. Наша жизнь пропитана языком – и сама в нем растворена.

Мы самонадеянно считаем, что владеем языком. На самом деле это язык владеет нами. Впрочем, я все равно не сформулирую лучше Льва Лосева:

Грамматика есть бог ума.
Решает все за нас сама:
что проорем, а что прошепчем.
И времена пошли писать,
и будущее лезет вспять
и долго возится в прошедшем.
Глаголов русских толкотня
вконец заторкала меня,
и, рот внезапно открывая,
я знаю: не сдержать узду,
и сам не без сомненья жду,
куда-то вывезет кривая.
На перегное душ и книг
сам по себе живет язык,
и он переживет столетья.
В нем нашего – всего лишь вздох,
какой-то ах, какой-то ох,
два-три случайных междометья.

Что новенького

Навешивание ярлыков

Считается, что бурное развитие моды провоцирует легкая промышленность. Ну еще бы: вот закупила себе модница полный гардероб цвета анемона или фуксии, а потом бац – и в следующем сезоне нужны экологические цвета – оттенки зеленого, бежевого, мой любимый цвет половой тряпки. Фуксия же с анемоном, даром что цветочки, цвета-то у них неэкологические. И чем моднее вещь сегодня, тем старомоднее она завтра. Вот и приходится весь гардероб обновлять, а швейники, производители тканей, ниток, красок только руки потирают. Ну хорошо, допустим, что с модой на одежду так. Но кто провоцирует изменение моды на слова? Точно не составители словарей и вообще не лингвисты. В языке, как, собственно, и в моде, действует другой механизм – тот, который когда-то описали формалисты для искусства: прием – минус-прием, появляется новое и непривычное, вытесняет старое на периферию, потом это новое автоматизируется, становится массовым и неинтересным и само смещается на периферию, вытесняемое чем-то еще более новым.

Я не случайно заговорила об одежде. Я все думаю о словах *бренд*, *брендовый*. О том, что нового они принесли в русский язык, какой новый смысл. И еще: а что было на этом месте в русском языке раньше? Как мы об этом говорили? Ну, были, скажем, сочетания *торговая марка*, *товарный знак* – не будем слишком углубляться в терминологию. Мне кажутся чрезвычайно показательными слова *фирменный* и *фирма́* – с ударением на последнем слоге. *Джинсы фирма́* – то есть на них есть заветный лейбл *Lee*, *Wrangler* или *Levi's*. И еще: что это объект совсем другого сорта, класса. Кстати, *фирма́* могло означать и просто положительную оценку. Вот характерный пример:

Он был очень расстроен. Оказалось, что у него возле киоска украли замечательную шерстяную рубашку, «фирменную», как он сказал. <...> Рапирский ругался – он любил «фирменные» вещи (В. Аксенов. *Пора, мой друг, пора*, 1963).

А вот и более поздний пример, уже без кавычек:

Теперь я заметил, что нижнее белье, трусы и майка, были у него европейские, фирменные. Пижонство его отнюдь не было поверхностным (Ф. Искандер. *Муки совести, или Байская кровать*, 1990).

Что такое *европейские, фирменные*? Какой фирмы? Просто шикарные, явно произведенные не отечественным легпромом. Похоже вело себя слово *импортный*, которое могло использоваться как синоним слов *элегантный*, *шикарный*:

Я люблю смотреть на ноги танцующих. Они часто говорят больше, чем лица. А обувь? Туфельки, туфельки, туфельки – импортные, остроносые, невесомые, с тонкими, почти фиктивными каблуками (И. Грекова. *Дамский мастер*, 1963).

Уже стоя в дверях, Левикова снова посмотрела на Наташу, на ее ладный импортный костюмчик, и недобрый огонь засветился в ее взгляде (Г. Полонский. *Доживем до понедельника*, 1968).

Сволочи, куркули проклятые, ничего в жизни не знают, кроме ковров, телевизоров, сберкнижки. Ничего, кроме импортного тряпья, знать не хотят. На дефиците мозги свихнули. Ненавижу! (О. Куваев. *Территория*, 1974).

А еще у Жванецкого: «Сандалий импортных нет?» (М. Жванецкий. *На складе*, 1979). Хоть каких-нибудь, то есть только не «наших». А «импортные туфельки» – значит, красивые, у нас таких не делают.

Вспомним тогдашний патриотичный лозунг: «Советское – значит отличное» (а теперь, кажется, говорят: «Отечественное – значит качественное»). Но язык предательски сообщает нам, что граждане думали об этом на самом деле. Раз слово *импортный* выражало положительную оценку, то думали они примерно так: «Отличное – значит несоветское». Да собственно, мы же помним, как интерпретировал народ знак качества: как будто фигурка разводит руками, говоря: «Извините...»

Но вернемся к словам *бренд* и *брендовый*. Кажется, их смысл очень похож на тот, который в свое время выражался словом *фирменный*. Вот что пишут на сайте одного одежного интернет-магазина:

Самоощущение. Это чувство невозможно передать словами. А может, и не стоит. Просто попробуйте надеть брендовую вещь, и вы больше не сможете носить ничего другого. Сравните свое самоощущение, когда вы «пролетаете» по улице в стильной элегантной одежде от европейских дизайнеров и при этом понимаете, что ваш внешний вид – само совершенство. Разве могут вырасти такие «крылышки» от вещей производства подпольных китайских фабрик? Подарите себе это чувство прекрасного, ведь вы достойны только самого лучшего (<http://zapp.ru/brands.php>).

Казалось бы, все очень похоже на «самоощущение» советского человека, которому вдруг перепали *фирменные* джинсы. Но есть одна тонкость. Вот очень характерная запись из блога, где обыгрываются несколько популярных одежных брендов:

Чувства – как Burberry – или настоящие, или не надо...
Секс – как Henry Lloyd – много не бывает...
Клубы – как Lacoste – дорого и пафосно...
Алкоголь – как Ben Sherman – только в меру...
Скромность – как Fred Perry – украшает...

(<http://lubimochka.blog.ru/81700083.html>).

Я подсократила, там было больше. Боюсь, что значительная часть моих читателей не сможет оценить этот юмор. Что, впрочем, несущественно: важен сам ход мысли. За каждым *брендом* закреплен определенный *имидж*, а значит, *брендовая* шмотка на человеке – это послание. Различия тут, кстати, довольно тонкие, неочевидные и даже спорные – насколько я понимаю, все перечисленные бренды примерно одного плана: ни *Prada*, ни *Chanel*, ни, скажем, *D&G* здесь нет. А дьявол-то, как известно, носит *Prada*, а не *Lacoste*.

Здесь кроется важное различие. Да, и *фирменный лейбл*, и *брендовая вещь* приобщают человека к миру прекрасного (иначе зачем так сильно переплачивать за *лейбл*). Но слово *фирменный* не требует дальнейшей конкретизации. Фирменный и фирменный. **Какой-нибудь** настоящей фирмы. А вот *брендовый* – значит принадлежащий **одному из** раскрученных *брендов*. Одному из – и человек выбирает подходящие ему по установке и мироощущению *бренды*. Потому что какой-то бренд фанатский, какой-то пафосно-клубный, какой-то непафосно-солидный и т. д. Ключевые слова здесь – разнообразие и выбор. Выбирая свои *бренды*, человек себя определенным образом *позиционирует*.

Очень интересно, что *фирма́* используется в единственном числе – обобщенно или собирательно. А с *брендом* не так. *Бренд* – это только один бренд, а *бренды* – это разные.

Так что пуристы могут сколько угодно высмеивать слова *бренд* и *брендовый* – они уже прижились, потому что нужны для описания нового устройства жизни.

Пафосня

Кто не знает, это слово произносится с ударением на последнем слоге. Ну, типа *гламурё* и *пафосня*, как теперь говорят. Это я вот к чему. Давно хотела написать о слове *пафосный*, но все ждала, пока оно немного отстоится, утрясется, займет свою определенную нишу. А то ведь, когда новое слово имплантируется в язык, оно поначалу иногда вызывает такое воспаление, что ничего и не разглядишь. Но сейчас уже вроде нормально.

Слово *пафосный* – из серии не так давно вошедших в моду прилагательных типа *элитный* (наряду со старым *элитарный*), *комфортный* (плюс к старому *комфортабельный*). Так и тут: было слово *патетический*, потом появилось и *пафосный*. И во всех случаях история похожая: сначала более простой словообразовательный вариант входит в язык с новым значением, разделяя со старым и более сложным вариантом сферы влияния, а потом новый вариант попросту вытесняет старый, захватывая все значения.

Я, правда, думала, что слова *пафосный* раньше не было вовсе. Оказалось, я ошибалась. Нечасто, но вариант *пафосный* использовался наряду с *патетический*. Вот забавный пример. Н. Крупская написала в свое время разгромную рецензию на детские стихи Чуковского:

Автор влагает в уста крокодила пафосную речь, пародию на Некрасова.

Узнайте, милые друзья,
Потрясена душа моя.
Я столько горя видел там,
Что даже ты, гиппопотам,
И то завыл бы, как щенок,
Когда б его увидеть мог...

(Н. К. Крупская. О «Крокодиле» Чуковского, 1928)

За Чуковского вступился Горький:

Во-первых: почему это «пафосная пародия»? А уж если пародия, то скорее на «Мцыри» или на какие-то другие стихи Лермонтова. Очень странная и очень несправедливая рецензия (Максим Горький. *Письмо в редакцию*, 1928).

И *патетический*, и *пафосный* восходят к понятию *пафоса*. *Пафос* – категория античной риторики; Аристотель (он выделял *пафос*, *этос* и *логос* как элементы риторики) связывал *пафос* с идеей, что трагедия героя вызывает эстетическое переживание и эмоциональный подъем у аудитории. Гегель связал *пафос* не только с трагедией, но и с торжественной и возвышенной эстетикой. Как термин *пафос* и до сих пор используется в теории литературы, эстетике и пр. Даже говорят и так: «пафос моего выступления...» – основная мысль, цель то есть.

В отличие от слов *пафос* и *патетический*, которые всегда могли, конечно, указывать на чрезмерную эмоциональность и экзальтацию, но могли и не выражать идеи преувеличенности и фальши, прилагательное *пафосный* (как и наречие *пафосно*) с самого начала тяготело именно к последнему типу контекстов:

Сперва, как всегда, все не нравилось: и безвкусный собор, и театральный священник с пафосной речью, даже подумал: ну, совсем как коммунист-агитатор на заводе по манере говорить (Н. Н. Пунин. *Мир светел любовью*. Из дневника 1923 г.).

Никогда не обращаю внимания на придурков, которые считают, что если человек поет про родину, то он пафосный какой-то (А. Розенбаум. *Бультерьер*, 1998).

Слова эти показались мне ненастоящими, а тон пафосным, наигранным (М. Тарковский. *С людьми и без людей*, 1983).

– Я поверила в любовь, – ответила я так пафосно, что самой захотелось сплюнуть (Г. Щербакова. *Уткоместь, или Моление о Еве*, 2000).

Это старое значение слова *пафосный* чрезвычайно активно и сейчас.

То, что в таком слове закрепилась отрицательная оценка, вполне понятно: для русской культуры вообще характерно, что, при чрезвычайной любви к искренности, она настороженно относится к демонстративному вербальному выражению высоких чувств.

Но вот на рубеже тысячелетий у слова *пафосный* появилось новое значение. Стали говорить: *пафосные бренды, пафосный автомобиль, пафосная вечеринка, пафосный клуб*.

Пафосная тачка – не совсем то же, что *престижная*, не совсем то же, что *статусная*, не совсем то же, что *крутая*, не совсем то же, что *понтовая*. Не то же, что *элитная*. И уж конечно, не то же, что просто *дорогая*.

Хотя идея дороговизны есть, разумеется. *Пафосное* не может быть общедоступным. И идея «напоказ» есть, конечно, тоже. Но в отличие от *понта*, который обычно на пустом месте, *пафос*, по замыслу во всяком случае, основан на реальных достоинствах. *Пафосный* – значит содержащий некоторое послание, сообщение о статусе человека. Но не так, как *статусный*. *Статусный* фиксирует статус человека, но не кричит о нем. А в *пафосном* очень важен жест, некая претензия, именно заявка на особый статус.

На автомобильных форумах люди активно обсуждают, какие именно модели *Mercedes* или *BMW* можно считать *пафосными*. Кстати, вовсе не обязательно самые дорогие.

Слово *пафосный* часто употребляется вполне всерьез и с положительной оценкой:

Часы Breitling абсолютно нетипичный люксовый бренд, но столь же уважаемый, пафосный и технологичный, как и все остальные произведения швейцарских мастеров (http://www.lontime.ru/breitling/article_breitling_3.html).

Но для многих людей в слове *пафосный* есть идеи нуворишества, недостатка вкуса, нарочитости, претенциозности – что неудивительно, если вспомнить старое значение этого слова:

«пафосный бренд Chanel» нет уж, пафос это «Gucci,» а «Chanel» – это классика (http://www.lookatme.ru/flows/fashion_news/posts/80095-chanel-protiv-dc).

Эта отрицательная оценка в концентрированном виде представлена в пренебрежительном слове *пафосня*, которое соотносится с разными значениями слова *пафосный* и может характеризовать и людей (*мажоров*), и бренды, и тексты, и много разного другого:

Фотоотчет голяк полный. Одна пафосня на пустом месте (<http://falcon-clubmusic.at.nightparty.ru/comments/>).

Кстати про бренды – всякая пафосня типа Барберри и иже с ними тоже доставляют... (<http://www.ma³da.ru/forum/viewtopic.php?p=228800>).

Цены космос, народ пафосня, в самом плохом смысле слова. На тусовки дресс код и фейс внедряют. Цены в барах московские почти (<http://forum.camry-club.su/viewtopic.php?f=19&t=958&start=15>).

Сейчас бровь колят все кому не лень и клубная пафосня и сочувствующие хип-хоп культуре и много кто еще.... web-korolev.ru > forum/viewtopic.php...; Туфтовый фильм, жалко потраченного времени, пафосня короче. ИМХО (<http://www.lvhh.lv/forum/archive/index.php/t-1605-p-43.html>).

Мне кажется, что вот это пафосня (иначе не назовешь) про воинов-идеологов нехилый пиарход... А так вот... порасспрашивать ветеранов... сколько из них за Сталина-то воевали? (<http://forumtyurem.net/index.php?showtopic=5099&st=40&start=40>)

Мне нравится новое значение слова *пафосный*. Нравится не только интеллигентным происхождением, но и тем, что в нем очень ясно отразилось время. Когда настала новая эпоха, социальная структура общества стала усложняться. Поэтому не могли не измениться и те фрагменты лексики, которые описывают общественное признание самого человека и окружающей его среды. Конечно, были и раньше такие слова, как *престижный* и *авторитетный*, но этого оказалось мало (да, кстати, вспомним, что произошло со словом *авторитетный* в перестройку). Такие слова несут непонятно чью оценку. Вот и появились в дополнение к ним новые (*пафосный*, *статусный*, *имиджевый* и др.). За словом *пафосный* стояла оценка со стороны вполне четко очерченного социального типа человека, с определенными ценностями и предпочтениями – первоначально, во всяком случае. Слово *пафосный* нравится мне и еще в одном отношении. Ведь никто не скажет, что это опять английская калька, как будто своих слов не хватает. Потому что в английском-то слово *pathetic*, придя из того же греческого источника, развило почти противоположные значения – «жалостный», «трогательный», «душераздирающий», «жалкий»...

Скромное обаяние нормы

На одном из сайтов знакомств объявление девушки из Нижнего Тагила: Умная, привлекательная, самодостаточная, сексуальная девушка желает познакомиться с умным, симпатичным, порядочным, самодостаточным молодым человеком для серьезных отношений.

Очень тонко: девушка *привлекательная*, а молодой человек должен быть *симпатичным* (т. е. красота не обязательна, пусть будет хоть минимальное обаяние); девушка *сексуальная*, а мужчина нужен *порядочный* (логично). А вот остальное совпадает: *умной нужен умный* (понятно, глуповатый будет раздражать), и оба *самодостаточны* (правда, если они такие *самодостаточные*, неясно, так ли они нужны друг другу).

И вообще – что, собственно, девушка имела в виду?

Может быть, *самодостаточный* – это современный эвфемизм для выражения *без материальных проблем*? Отчасти, наверно, так, но не только.

Девушка, вероятно, хотела сказать, что она не только материально вполне самостоятельна, но и психологически уравновешенна и способна реализоваться в работе, что у нее есть друзья, хобби. В общем, молодой человек нужен ей не в качестве жилетки, не в качестве соломинки для утопающего, она не планирует вцепиться в него бульдогом и повесить на него все свои проблемы. Но и сама не готова жертвовать собой, спасать от нищеты или алкогольной зависимости и вообще шастать по горящим избам.

Конечно, слово *самодостаточный* используется не только в брачных объявлениях. Говорят, например, *самодостаточный ребенок* – то есть такой, которого не надо непрерывно развлекать. Сидит себе подолгу, рисует, в игрушки играет. Вообще это слово сейчас очень модно. В интернете полно дискуссий о том, кто такой *самодостаточный человек*. Не то чтобы оно было совсем новым, но раньше оно употреблялось нечасто и было совершенно книжным. (Между прочим, вот я пишу, а *Word* мне слово *самодостаточный* подчеркивает: не знает он такого слова.) Притом относилось оно обычно не к конкретному человеку. Вот типичные примеры:

В литературе классицизма и Просвещения выработался особый тип афористического мышления, то есть мышления отдельными закругленными и самодостаточными мыслями, по самому замыслу своему независимыми от контекста. (М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского*, 1963).

Гуманистическая антропология, признавшая человека существом самодостаточным, была естественной реакцией против подавленности человека в традиционном христианском сознании (Н. Бердяев. *Проблема человека*, 1936).

Сейчас же от былой книжности осталась разве что легкая претензия на глубокомыслие.

До последнего времени словари толковали слово *самодостаточный* как «то же, что самодовлеющий». Тут история слова *самодостаточный* пересекается с другой историей. Я говорю о непростой судьбе глагола *довлеть*.

Он значил «быть достаточным» (ср.: «Довлеет дневи злоба его», т. е. «достаточно для каждого дня своей заботы»; отсюда – злободневный). Собственно, *довлеть* – того же корня, что *довольно*. Однако в современном русском языке он закрепился в совсем ином значении – «подавлять, тяготеть», возникшем по созвучию со словами *давление*, *подавлять*. Ср.: «Памятник довлеет над площадью», «Над ним довлеет одна мысль»... Еще в середине прошлого века словари признали это значение (хотя оно до сих пор остается несколько вульгарным). Это вызвало протесты пуристов. Академик В. В. Виноградов ответил заметкой, в которой проследил смысловые колебания глагола *довлеть* аж с конца XVII века. Сохранился замечатель-

ный документ – письмо писателя Федора Гладкова на имя президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова, содержащее полемику с В. В. Виноградовым (оно опубликовано в комментариях к трудам Виноградова). Прекрасен его финал:

Я несколько не сомневаюсь, что культура языка для Вас не менее дорога, чем литераторам. И я думаю, что к этому сигналу писателя Вы не отнесетесь безучастно. Может быть, у Вас найдется минута затребовать гранку или верстку с этим злополучным словом и взглянуть, как толкуется оно в образцовом Словаре Академии Наук в противовес исторической лингвистике и здравому смыслу (1952).

По мере того как забывалось старое значение глагола *довлеть*, утрачивало свою внутреннюю форму и книжное прилагательное *самодовлеющий*. Соответственно его синоним *самодостаточный* получал преимущество.

К концу прошлого века он стал предпочтительным, а попав в массовый обиход, обзавелся и новым смыслом. Никак нельзя ведь сказать: «самодовлеющий ребенок», «Самодовлеющая девушка познакомится с самодовлеющим мужчиной»...

Мода на слово *самодостаточный* вполне объяснима. В последнее время русский язык стал гораздо благосклоннее, чем раньше, смотреть на простое соответствие человека психической норме. Особенно ярко это заметно по возникновению новых значений у слов *адекватный* и *вменяемый*. Слово *адекватный* сейчас чрезвычайно активно используется применительно к человеку. При этом не указывается, чему этот человек *адекватен*. Просто – *адекватный*, то есть без тараканов в голове, без неожиданных и странных проявлений, без комплексов, сверхценных или фиксированных идей. И главное, подразумевается, что все это – хорошо. *Вменяемый* – тоже хорошее качество человека. В юридическом смысле *вменяемость* предполагает, что человек отдает себе отчет в совершаемых поступках, поэтому его можно за них судить. Однако в обиходе это слово вовсе не связано с преступлениями: *вменяемый* – значит достаточно разумный, способный понять, что ему говорят. Причем говорят уже не только о *вменяемых людях*, но и о *вменяемых текстах*, *вменяемых взглядах* и даже о *вменяемых ценах*. На самом пике моды на это слово мне попалась небольшая статья М. Берга «Западник на западе» (Ежедневный журнал. 2010. 15.12), в которой чуть ли не все было *вменяемым*:

Что пишут вполне *вменяемые* (Здесь и далее в цитатах – курсив мой. – И. Л.) демократы-интеллектуалы о системной и несистемной оппозиции?

Но его позиция освящена культурой, она культурно *вменяемая*.

...А либо просто плюнет, либо пробормочет что-то про русский максимализм и идеализм, про не очень *вменяемую* российскую интеллигенцию.

В основном это были культурно *вменяемые* люди – они ругали Маргарет Тэтчер, которая сокращает расходы на культуру и образование, ругали Рейгана, который просто пошляк-ковбой.

Я это к тому, что примерно так же реагируют культурно *вменяемые* люди на Западе, когда они слышат, как Россию сравнивают с хорошо знакомой им страной, словно реальность с раем.

«Он человек очень адекватный и абсолютно *вменяемый*» – это сейчас едва ли не высшая возможная похвала. И за ней стоит какое-то совсем новое представление о жизни. Вспомним «Обыкновенное чудо» Шварца: «Вы сумасшедший?» – «Что вы, напротив! Я так нормален, что сам удивляюсь». Конечно, эту фразу говорит главный негодяй – Министр-администратор, и невозможно себе представить, чтобы ее произносил другой герой пьесы.

Подчеркиваю, тут дело не в том, чтобы обзывать сумасшедшим – это не фокус. Каждый без труда вспомнит обозначения разных видов психических расстройств, которые используются как бранные слова. И слова *неадекват* и *невменяемо*, хотя как раз вполне новые, но в концептуальном отношении неинтересные. Потому что ругать за интеллектуальную неполноценность – это сколько угодно, а вот хвалить за нормальность – это нечто для нашей культуры действительно новенькое.

Дела и делишки

Недавно по телевизору шел какой-то старый советский фильм, а в нем звучала исполняемая бодрыми женскими голосами песня. Эту-то песню я краем уха и услышала. Тут все дело в характерной манере пения – голос журчит, согласных вообще не слышно. И вот мне показалось, что я слышу строку припева: «Энергичные / И практичные» (это о друзьях). Я была изумлена: вот уж никак не ожидала услышать слово *практичный* в этом контексте. Оно скорее из рекламы бытовой техники *Hansa*: «Немецкая практичность во всем». В немецких магазинах женской одежды русское ухо поражает частота, с которой звучат два слова – *praktisch* и *günstig*. Конечно, русское *практичный* не вполне тождественно немецкому *praktisch*, а русское *дешевый* тем более отличается от немецкого *günstig*, но все же трудно представить себе русскую даму, которая, примеряя в магазине нарядное платье, одобрительно восклицает: «Дешево и практично!»

Для нас такое сочетание намертво связано с диалогом Миронова и Папанова из фильма «Бриллиантовая рука»: «Лелик, но ведь это неэстетично!» – «Зато дешево, надежно и практично». Я особенно люблю рекламный слоган шоколадок *Ritter Sport*: «Quadratisch. Praktisch. Gut». Ну, с *quadratisch* понятно: такие шоколадки действительно отличаются от большинства других своей квадратной формой. *Gut* – тоже понятно: это слово значит не только «хороший», но и «вкусный». Но *praktisch*? Для нас такой эпитет никак не соединяется с представлением о шоколадке. Реклама *Ritter Sport* идет и в России, и не случайно этот слоган обычно дается без перевода. Как сказано в той же «Бриллиантовой руке», «непереводимая игра слов». Пробовали одно время по-русски: «Квадратный, практичный, хороший». Но это, право слово... Еще был громоздкий вариант: «Отличный шоколад в практичной упаковке». Он, оказывается, назывался *практичным* в том смысле, что его открывать удобно.

Пока я все это соображала, на экране спели следующий куплет и снова затянули припев. Я вслушалась и разобрала: «Энергичные, / Симпатичные...» Но это же другое дело! У слова *симпатичный* тоже, конечно, непростая история в русском языке, и все же *энергичные* и *симпатичные* друзья – это нормально.

Однако вернемся к слову *практичный*. В практичности, конечно, нет ничего плохого, для жизни это качество очень даже полезно. Но русская культура так устроена, что все утилитарное, все связанное с расчетом и выгодой располагается в ее иерархии ценностей довольно низко. *Практичность* – это свойство Штольца, а он, как известно, всем хорош, да только любим и жалеет мы Обломова.

Впрочем, тут стоит задуматься вот о чем. Сейчас в русском языке целый пласт лексики меняет свой концептуальный и оценочный потенциал: слова *карьерист* и *амбициозный* перестали быть однозначно отрицательными, слова *успешный* и *эффективный* теперь могут характеризовать людей. По логике вещей, *польза*, *выгода*, *практичность* – следующие в очереди на реабилитацию. Правда, *практичность* пока не пробилась в число признаваемых русским языком ценностей. Есть в этом слове какая-то мелкотравчатость, а от своей любви к *широте* и *размаху* русский язык не готов отказаться. Пока, во всяком случае.

И все же. Все же то, что должно происходить, происходит. Только полем битвы оказалось не слово *практичный* (греч. *praktike*, от *praktikós* – «деятельный»), а слово с родственным греческим корнем – *прагматичный* (от греч. *pragma*, *pragmatos* – «дело, действие»).

До недавнего времени слова *прагматичный*, *прагматик* за пределами специальных (лингвистических, семиотических, философских, исторических) контекстов употреблялись нечасто. Однако за последнее десятилетие они стали необыкновенно популярными, при этом прямо на наших глазах меняя свой смысл и оценку. Поначалу слово *прагматик* выражало осуждение:

...Дмитрий Сергеевич Лихачев был одним из последних, реликтовых представителей вымершей русской интеллигенции, оказавшейся не востребовавшей в век циничных *прагматиков* и пиарщиков (А. Городницкий. *У Геккулесовых столбов...*, 1965).

Что взять с сухаря-*прагматика*? Его послушать, так и любви не существует (Вл. Быков, О. Деркач. *Книга века. 1901–2000*, 2000).

Хруща давно сняли, романтика завяла, процветал новый советский бюрократизм... Комсомольский деятель пошел совсем иной – *прагматичный*, абсолютно циничный, вежливый и скользкий (А. Козлов. *Козел на саксе*, 1998).

То есть *прагматик* здесь – беспринципный человек, циник, расчетливый, мелочный, бездушный. Это слово вписалось в ряд таких слов, как *приспособленец*, *конформист*, *соглашатель*. Между прочим, в других языках совершенно необязательно имеется в виду, что бескомпромиссность – хорошая черта характера.

При этом *прагматизм* воспринимается как черта западная и современная: *прагматичные американцы*, *по-западному прагматичный*, *европейцы – прагматики*, *в наше прагматичное время*, *прагматичная молодежь*.

Но чем дальше, тем чаще мы слышим слово *прагматик* в сугубо положительном смысле: «Амбициозный и прагматичный. Таков типичный портрет молодого специалиста из Приморья»; «Как построить команду нового бизнеса: прагматичный подход». А сколько автомобильных, мебельных, страховых и прочих фирм называется «Прагматик» или «Прагматика»!

Зюганов мечтает о правительстве «национального спасения, состоящем из прагматиков и профессионалов»; «Единая Россия» хвастается «позитивным и прагматичным подходом».

Так что сейчас сразу и не поймешь: если кого-то назвали *прагматичным политиком*, то это его эвфемистически обругали «продажным политиканом» – или похвалили: мол, не долдон и не горлопан, а разумный и стремящийся принести реальную пользу слуга народа.

Контент-анализ

Очень часто, когда людей раздражает новое слово, они концептуализуют это таким образом, что вот, мол, совершенно лишнее и ненужное заимствование, то же самое можно сказать по-человечески – по-русски то есть. На самом же деле в большинстве случаев оказывается, что раздражает как раз тот новый смысл, ради которого слово и было заведено в языке. Вот, к примеру, модное слово *контент*. У меня есть коллега, которого от этого слова прямо трясёт. Он возмущается: «Они же про нашу работу даже не говорят „словарь“, – это он про одно технически „продвинутое“ издательство. – Они же говорят „контееент“. Для них это просто контент! Слово-то какое дурацкое...»

Русское слово *контент* – это не то же, что английское *content* – содержание. У русского слова, как часто случается с заимствованиями, значение гораздо более узкое. *Контент* – это информационно значимое наполнение информационного ресурса. Текст, картинки, музыка, да что угодно. В первую очередь, конечно, применительно к интернету, но не только. Ну вот, скажем, те же словари. Лексикограф составил словарь: указал грамматические формы слов, разбил слова на значения, привел примеры, переводы. То есть это он думает, что составил словарь. Но для издательства тут-то все только и начинается. Дальше это сырьё – *контент* – поступает в руки мастеров: его можно «залить» в ту или другую форму, сделать из него бумажную и/или электронную версию, и так переформатировать, и эдак, с поворотом и с прискоком, можно слить с другим, а можно отобрать (автоматически, разумеется), скажем, только новые слова – или только разговорные. Можно совсем дешево из того же материала сделать словарь глагольного управления. Картинки ещё неплохо бы подобрать – ну, к предметной лексике (можно тогда будет назвать визуальным словарем). А то перевернуть... В общем, вариантов много.

Вот несколько примеров употребления слова *контент*:

Наполнение качественным контентом ресурса – задача особой важности для владельцев. Уникальный контент, а именно статьи для сайта – средство продвижения сайта номер один (<http://kontenta.ru/>).

Давайте рассмотрим основные законы раскрутки через контент: 1. Чем больше контента на вашем сайте, тем больше посетителей будут его посещать (<http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-42956/>).

Контент-менеджер отвечает за информационное наполнение интернет-сайта необходимым контентом (текстовой и графической информацией) (<http://www.ucheba.ru/prof/745.html>).

Контент Советский – творческий проект, посвященный советскому прошлому. Наполняется он по принципу «запостить что-то новое, незаезженное» (<http://www.content.su/>). Контент Алексея Навального заправят в автонавигаторы. Партнером [...] производителя навигаторов «Контент мастер» стал известный блогер Алексей Навальный. Придуманый им сервис «РосЯма» будет поставлять в навигаторы данные о повреждениях дорог (http://www.vedomosti.ru/tech/news/1401841/shturman_navalnyj#ixzz1c8t404kI).

Совершенно, между прочим, понятно, почему в русском языке прижилось слово *контент*: старое доброе *содержание* обладает несколько другим набором ассоциаций. Ведь как нас учили в школе: у произведения есть содержание – то есть сюжет, герои, идеи, и есть форма, художественные особенности. И форма должна находиться в гармонии с содержанием.

«Единство формы и содержания». «Содержательность формы». Старая шутка (ее Ардов цитирует): «Вы формалистка?» – «Нет, я содержанка!» Я, кстати, нашла в какой-то коммунистической газете забавную статейку (<http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?3198>). Автор, наверно, учился на каком-нибудь филфаке, об этом говорит заголовок: «О содержательности формы». Речь там об истории с переименованием милиции в полицию (статья тогда и написана):

Дмитрий Медведев на совещании по поправкам в закон «О милиции» высказался о том, что пора бы «вернуть милиции ее прежнее наименование и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка полицией».

И вот автор заключает:

Сегодня основной задачей органов по факту стала защита частной собственности и господ-собственников, обеспечение спокойствия и покоя элите общества и имущим слоям. Конечно, этому содержанию более соответствует наименование «полиция». По сути сегодняшние органы МВД ею уже являются.

В этом рассуждении очень ясно видно именно то представление, к которому мы привыкли: главное – содержание, а основная задача формы – соответствовать содержанию.

Тут дело, кстати, не в том или ином слове. Само по себе слово *контент* уже появлялось в русском языке, в первую очередь в сочетании *контент-анализ*. Такой анализ существует в разных науках. В социологии, психологии и т. п. это более или менее строгий метод качественно-количественного анализа содержания документов в целях выявления или измерения социальных фактов и тенденций. При этом в соответствии с целями исследования выделяются определенные параметры (скажем, психологические характеристики персонажей, фигурирующих в сообщениях массовой коммуникации). Количественный анализ текстовых массивов производится с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Как нетрудно заметить, *контент-анализ* подразумевает *контент* как самое обычное *содержание*, в старом понимании.

Но сейчас появилось совершенно другое представление об информационном объекте. Первична некая оболочка, в которую можно «залить» совершенно разное. Вот это-то аморфное, которое «заливают», и есть *контент* – то есть как бы то же содержание, но пониженное в статусе. А форма – первичная и диктующая все остальное, называется сейчас еще другим модным словом – *формат*. Новое значение слова *контент* отразило важную идею: развитие информационных технологий привело к отрыву формы от содержания. Причем парадоксальным образом это черта именно русского слова *контент*.

Скажем, английское слово *shopping* совершенно не имеет того консьюмеристского накала, как русское *шопинг*. Поэтому, как это ни смешно, русское слово *шопинг* трудно перевести на английский. Точно так же и тот технологический азарт, который звучит в русском слове *контент*, теряется при переводе на английский. Собственно, такая же петрушка со словами *гаджет* и *девайс* – об этом я уже когда-то писала. Такое вообще часто бывает с заимствованиями. Но тут у русского языка, пожалуй, есть одна особенность. Наше хроническое технологическое отставание и догонялки, а с другой стороны – наша склонность к культурной и языковой рефлексии приводит к тому, что именно для русского языка особенно характерно возникновение дурацких на первый взгляд словечек, в которых так точно схвачена суть цивилизационных слов.

Дематериализация

Когда я была на передаче «Школа злословия» у Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой (прекрасный, кстати, был проект, страшно жаль, что его закрыли), зашла речь, в частности, как раз о модном слове *проект*. Действительно – в последнее время кругом одни *проекты*. «Независимый театральный проект». «Национальный проект „Здоровье“». «Блог проекта авто-информ.рф на blogspot». «Хакасская делегация приняла участие в IX Красноярском экономическом форуме, где презентовала пилотный проект „Развитие Абакано-Черногорской агломерации“». Да, вот еще замечательная новая конструкция: Прохоров – «проект Кремля» или «кремлевский проект».

В соответствии с проектом (*Sic!*) новых образовательных стандартов «самостоятельный проект», кажется, включался в короткий список обязательных предметов – наряду с ОБЖ (основами безопасности жизнедеятельности), но в отличие от русского языка – правда, не знаю, чем дело закончилось. Подросло уже целое поколение младших школьников, которые уверены, что слово *проект* означает «доклад с презентацией». И вот Авдотья Смирнова сказала, что для нее и ее коллег-киношников слово *проект* вместо *сценарий* или *фильм* – это отражение зыбкости и неопределенности нынешнего существования. Мол, начинаешь какую-то работу, и непонятно, будет ли, состоится ли, и страшно назвать ее правильно – *сценарий* там или *картина*. Вдруг сорвется. А *проект* – что ж, это еще почти что ничего, можно не бояться сглатить.

У меня тоже есть кое-какие соображения по поводу этого слова. Как мне кажется, за последние лет двадцать с ним произошли два важных изменения. Во-первых, оно в значительной степени утратило свою перспективность – устремленность в будущее. Изначально ведь *проект* – это некий замысел, перспективный план. То, что еще только предстоит осуществить. Теперь же говорят: «Я работаю на нескольких проектах»; «Проект начался месяц назад» и даже «Проект завершен» или «закрыт». Думаю, распространению такого употребления способствовала грантовая система финансирования в науке, искусстве, социальной деятельности. Человек подает заявку на конкурс для финансирования научной разработки, радиопередачи, художественной акции, какой-то общественно-полезной идеи. В заявке он излагает свой *проект*. *Проект* имеет название, номер. Далее происходит конкурс *проектов*. Но вот человек получает деньги и осуществляет задуманное. Продолжая называть это *проектом*.

И еще одна очень важная вещь. Выше я упомянула близкие по значению слова *замысел* и *план*. Между тем они немного разные по значению. *Замысел* всегда предполагает некую творческую идею, общую концепцию чего-либо, но обычно не слишком детально разработанную. Особенность *плана* в том, что в нем акцент делается на временном развертывании. Сначала это, потом то. Это могут быть даже не связанные между собою действия. И вот на таком фоне особенность *проекта* – того *проекта*, который был раньше, – в том, что здесь на первом плане конструкция, структура. Может быть *проект моста*, но не *проект романа*. У романа *замысел*. Может быть *проект реформы* и *план реформы*. Но *проект реформы* выражает ее суть, а *план* – разбиение на этапы. *Проект* – такое в широком смысле инженерное слово. Было. Вот тут как раз мы подходим ко второму изменению. О *проектах* стали говорить применительно к кино, к литературе, к театру – да к чему угодно. Стали говорить: «Это не вписывается в мой жизненный проект». Видимо, как-то не хватало в нашей жизни и в нашем языке такой бодрой конструктивности, оптимистической деловитости. *Проект* – слово для *успешного человека*, нацеленного на социальное признание.

В новом употреблении слова *проект*, как мне кажется, очень важна его субстанциальная неопределенность. «У меня новый *проект*» – это, собственно, что? А кто его знает. Важно, что человек что-то задумал, и вот теперь оно осуществляется. Есть еще одно модное слово, очень похожее в этом отношении на *проект*. Оно не так бросается в глаза, но в каком-то

смысле не менее характерно. Я говорю о слове *площадка*. «Они предоставляют нам *площадку*». Это что предоставляют? Может, книжный магазин разрешил поставить столик, где автор будет подписывать книжки, которые читатели предварительно покупают (автографсессия). Может, институт предоставил свой конференц-зал общественной организации для сходки. Возможно, это поляна в лесу, удобная для спортивно-оздоровительного или тимбилдингового мероприятия. Может, партия подыскивает подходящую площадь для митинга. А то, может, речь вообще идет о сайте, который готов что-то такое у себя повесить. То есть *площадка* – это место, на котором можно что-то расположить – не важно, реальное или виртуальное. Чистая функция. Место для...

Со словом *площадка* недавно произошла весьма характерная история. Коллега из Екатеринбурга профессор УрФУ Елена Березович пишет:

Сегодня на стенах родного университета мы увидели указатели с надписью «1 Всероссийский гражданский собор патриотов» (ну, и стрелочки, ведущие в столовую, актовый зал и проч.). Никто из сотрудников факультета, кто видел указатели, не мог поверить, что это «взаправду». <...> Но уж больно официальные указатели... И эмблема на них университета. И заметили в университете вчера казаков... И нашли мы тогда в сети вот такую ссылку: http://ruskline.ru/anonsy/v_ekaterinburge_budet_sozvan_pervyj_vserossijskij_grazhdanskij_sobor_patriotov/. <...> Не сказать, что уже страшно. Но невероятно тревожно, неудобно, СТЫДНО. Впервые за 30 лет, что я в этих стенах, почувствовала «остранение»... Очень неловко за наше руководство: зачем пустили в университет этот собор? Так хочется быть флагманом ВСЕГО??? И этого тоже?..

Преподавателям объяснили: «Это не наше мероприятие, а Росмолодежи и Роспатриот-центра... УрФУ – просто *площадка*».

А надо сказать, что слово *площадка* вызвало сильное раздражение:

Просто площадка... и информационная база:((Все онлайн-ресурсы УрФУ об этом пели. По-моему это называется красивым поэтичным словом «использовать». Грустно (Георгий Цеплаков).

...очень боюсь идеологии «просто площадки»))). Ужасаюсь ей. Университет – не «площадка». Университет, пардон за пафос (это я для себя скорее формулирую) – научно-воспитательный организм, где учить должно всё (Елена Березович).

И еще Лена написала об этом новом употреблении слова *площадка*: «...По другой линии ассоциация ведет к площадной девке:)))...»

Пожалуй, можно упомянуть и еще одно слово на ту же тему. Это слово *позиция*, которое теперь употребляется очень широко. Например, «заказать пять *позиций*» – то есть пять наименований товара по списку. Или есть еще *позиция* в смысле «вакансия, должность».

В общем, для *проекта* нашли *площадку* и набрали людей, но две *позиции* пока свободны... Где, что будут делать? Кто эти люди, наконец? Неизвестно. Мне кажется, здесь очень ясно виден, я бы сказала, менеджерский взгляд на жизнь: не важно что, для кого, зачем – важно все правильно организовать. Эффективно. Разумеется, само наличие слов с весьма абстрактными значениями для русского языка совершенно не новость. Но то, что так стремительно входят в моду такие слова, связанные с организацией деятельности, – это, как теперь говорят, *тренд*. Человек стал более мобилен, менее привязан к материальным подробностям своей работы. И может не только на работу, но и на саму жизнь посмотреть как на амбициозный *проект*.

До востребования

В свое время тогдашнему министру образования и науки РФ А. Фурсенко в ходе одного из интервью задали вопрос: «Какие критерии Министерство образования и науки полагает основными для оценки результатов образования?» Министр ответил: «Если в целом, то самое главное – насколько востребован человек и насколько он считает себя успешным после завершения того или иного уровня образования». Замечательно, что в ответе фигурируют сразу два ключевых для современного русского языка слова: *успешный* и *востребованный*. Ну, про слово *успешный* я уже много раз писала: само сочетание *успешный человек* появилось в русском языке недавно как калька с английского *successful man*. В нем проявилось фундаментальное изменение в отношении к человеку, к категориям успеха и достижения в русской культуре. *Востребованный* (англ. *in demand*) – слово тоже необыкновенно популярное в современном языке. Мы все время слышим и читаем: «Имидж профессионала: как быть *востребованным* в своей профессии»; «Если нормальный *востребованный* человек работает, то лузер ищет подходы к работе»; «Уже сейчас чрезвычайно *востребованы* люди, разбирающиеся одновременно в последних технологиях, в разработке новых финансовых инструментов и операционных схем, а также в математике и в проектировании»; «Могущественный Назарбаев, без сомнения, *востребованный* человек, особенно с тех пор, как Запад занялся поиском альтернатив дорогим российским нефти и газу»; «Можно не огорчаться, что годы труда прошли впустую, а порадоваться тому, что в музыкальных учебных заведениях вырастают *востребованные* люди, способные вырваться на первые места в борьбе за успех и благополучие». Из примеров видно, что слово *востребованный* связано с социальной успешностью человека, прежде всего с возможностью реализовать в профессиональной деятельности.

Разумеется, само по себе слово *востребованный* существовало давно (*востребованные* – или *невостребованные* – бандероли, трупы, кредиты и т. п.). А прилагательное *невостребованный* и раньше могло метафорически упо требляться по отношению к человеку, его свойствам и способностям:

В комнате было чисто и уютно, у Регины был красивый четкий профиль, но все это – ее опрятность и красота – оставалось невостребованным (В. Токарева. *О том, чего не было*, 1969).

Но уже отселялся от нас Лева Рубин, отъехал в далекие края, в мир загнивающего капитализма, нейрохирург высшего класса, которому не давали, хотя он мог бы запросто стать знаменитостью, гордостью, светилом, славой, с его-то руками и глазом, с его интуицией и выносливостью, и все это, невостребованное, распирало его, выдавливалось наружу колючестью, резкостью... (Е. Шкловский. *Состояние невесомости*, 1996).

Именно благодаря существованию таких контекстов слово *востребованный* так быстро и легко приспособилось передавать новый смысл, когда он понадобился языку – или, скажем иначе, когда он оказался *востребованным*. А смысл этот связан с «западным» представлением о том, что ценность человека определяется его рейтингом на рынке. Он может предложить то-то и то-то, а многие ли готовы это купить и почем, да многие ли еще предлагают на рынке то же самое?

Готового слова на эту тему в русском языке, естественно, не было. Ну, было слово *популярный* – но оно про другое. Тут не соотношение спроса и предложения, а массовая любовь. Еще было слово *нужный*, но у него слишком широкий смысл. «Ты мне *нужен*» – это высказывание совсем не про свойства другого человека, а про мои личные пристрастия. Как у Цветаевой:

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.

А еще было, да и сейчас есть сочетание *нужные люди* – то есть полезные, такие, из знакомства с которыми можно извлечь пользу. Было еще слегка презрительное слово *нужники*. Презрительным оно было потому, что считалось зазорным водить дружбу с человеком не ради его душевных качеств или близости взглядов, а из-за того, что он вхож в мясной отдел гастронома или умеет доставать *дефицитные* книги.

Еще интересно, как *востребованность* соотносится с *занятостью*:

Каждый из нас служил в других местах, мы все были сильно занятыми или, как сейчас говорят, востребованными людьми, но КАЖДЫЙ ДЕНЬ мы собирались на репетицию, и образовалось нечто подобное братству, художественной группе единомышленников (С. Юрский. *Вспышки*, 2001).

Да, конечно, для актера *занятость* и *востребованность* – очень близкие вещи. Артист должен играть, играть что-то интересное, и побольше, и это не вопрос денег. Но в большинстве случаев, если кто-то корячится на пяти работах, мы понимаем, что это, скорее всего, не от большой *востребованности*, а от большой малооплачиваемости. *Востребованность* – не перегруженность. О советской продавщице с ее знаменитым «Вас много, а я одна!» только в шутку можно сказать, что она *востребована*.

Итак, человек *востребован* – это значит, что спрос на него, на его умения или продукцию превышает предложение, так что он может выбирать, какие варианты ему более интересны или выгодны. Он может торговаться и ставить условия. Не факт, что он наберет работы больше, чем способен сделать. Не факт, что он пойдет туда, где больше заплатят. Не исключено, что у него другие приоритеты. Главное, что у него есть выбор.

Кстати о потребностях – а вы заметили, как скукожилось слово *дефицит*? Нет, конечно, говорят: *бюджетный дефицит*, *дефицит внимания*, даже *дефицит любви*. Но слово *дефицит* совершенно утратило свой экзистенциальный накал. И вот что интересно. Сейчас ведь тоже бывает, что долго не удастся купить какую-то вещь. Но мы больше не говорим об этом в терминах *дефицита*. Потому что мы думаем об этом по-другому: не «все хотят, но на всех не хватит», а наоборот: «я хочу чего-то такого, что, наверно, мало кто хочет, – поэтому это трудно найти». Помню давний рассказ о какой-то западной знакомой, которая говорила: «Вот интересно, а у нас популярны совсем другие русские писатели, чем в СССР. У нас любят Ахматову, Пастернака, а у вас их в книжных магазинах вообще нет, а продаются какие-то совсем другие». Господи, как мы хохотали над этой историей! Бывает сейчас, конечно, и так, что появляется очень удачная модель чего-то, и ее сразу все хотят, а сделать столько сразу невозможно. Поэтому выпускают сколько нужно, или рынок предложит что-то аналогичное или лучше, или появятся более дешевые подделки, или просто мода на эту вещь пройдет. Но сначала возникает этот самый *дефицит*. Забавно, что часто, говоря об этом, люди вспоминают советское прошлое и Райкина: «Как говорил Райкин, „дифсит“».

Качество

Раз уж про Райкина вспомнили... Летом 2011 года тогдашний премьер-министр Путин встретился с представителями молодежных организаций Северо-Кавказского федерального округа. На этой встрече он, в частности, сказал:

Кавказ, Северный Кавказ для России не балласт, это одна из жемчужин России. Прежде всего потому, что здесь *очень качественный, очень мощный человеческий потенциал*, очень глубокий культурный пласт.

Меня заинтересовало определение *качественный*. Слова *качество, качественный* за послед нее время значительно расширили сферу употребления. Вообще *качество* – это так называемое параметрическое слово, такое, как, скажем, *высота, глубина, вес, температура, скорость*. Интересно, что у таких слов часто возникает значение большого, простите за тавтологию, значения соответствующего параметра. Например, во фразе «Какая у него температура?» *температура* – параметр, а во фразе «Он заболел, у него температура» – значение параметра. В этом случае *температура* – то же, что *высокая температура*. Точно то же самое и с *качеством*: *оценка качества* – параметр, а *ценю качество* – значение параметра. Я не говорю здесь, разумеется, о слове *качество* в значении «свойство» (*душевные качества*), в котором оно, кстати, имеет форму и единственного, и множественного числа.

Прилагательные могут быть образованы от обоих значений параметрических существительных. Скажем, слово *возрастной*. Одно дело *возрастной ценз*, другое – новое *возрастная роженица* (немолодая то есть). Так и слово *качественный*: *качественные показатели* – это показатели качества (уж хорошее оно там или не особенно – неизвестно), а *качественный товар* – хороший, правильный, не вредный, надежный. Конечно, слово *качественный* можно употребить и расширительно – например, в видах избежания банальностей и штампов, сказать, что у девушки *качественная улыбка*. Это будет такая игра. Впрочем, стоматолог может сказать это и в прямом смысле.

Кстати о товаре. Качество – это характеристика не любого объекта, а прежде всего продукции, товара. Если цветы растут в поле, да даже и выращены в цветнике, мы не скажем, что они *хорошего качества*. А вот если поставляются в цветочный магазин – тогда да. О хорошем или плохом *качестве* котлет в норме говорят не тогда, когда они приготовлены дома. То же и со словом *качественный*. *Качественные носки* – это скорее об изделиях чулочной фабрики, а не о носочках, связанных бабушкой любимому внуку на день рождения. Поэтому многих людей так травмирует популярное сейчас выражение *качество жизни*. Им видится за этим представление о жизни как об огромном супермаркете, где у всего есть своя цена, где нет ничего штучного, а все изготовлено по ГОСТу или там по ТУ.

Так вот, вернемся к Путину. «Качественный человеческий потенциал» – это такой технологический взгляд на людей. Не случайно в Сети появился комментарий: «А уж про качество человеческого матерьяла уж совсем по нацистски звучит!» (<http://nr2.com.ua/society/342218.html/discussion/>). Забавно, что пишущий ошибся при цитировании: вместо *потенциал* запомнил *материал*. Скорее всего, именно благодаря определению *качественный* возникли промышленные ассоциации.

Но интересно здесь другое. Было бы ошибкой думать, что слово *качественный* по отношению к людям могут употреблять только начальники. Так же может выразиться и интеллигент, однако вкладывая в это определение совершенно другой смысл. Вот, например, что написал поэт и эссеист Лев Рубинштейн о Дине Годер, театральном критике и чудесном человеке, в деньрожденном поздравлении:

Ты, я знаю, высоко ценишь такую категорию, как качество. «Качественный человек» – высшая похвала в твоих устах. И не так уж ты, прямо скажем, безгранично толерантна, чтобы расточать подобные характеристики направо и налево. Я тоже ценю эту категорию. И тоже не склонен к беспринципному благодушию. Поэтому я твердо скажу: ты, Дина, необычайно качественный человек. С полной гарантией качества на сто двадцать лет. А дальше – проверим (<http://stengazeta.net/article.html?article=7409>).

Совершенно понятно, чем хорошо такое определение, как *качественный*. Тут, по-моему, две причины.

Во-первых, наша вечная боязнь пафоса. Боязнь эта, кажется, даже усилилась по сравнению с советским временем. Еще бы, теперь кроме официального пафоса есть еще и куча других пафосов, и от всех хочется как-то дистанцироваться.

И слово *качественный* годится именно в силу своей технологичности.

А во-вторых, в нашу постмодернистскую, релятивистскую и пр. эпоху очень уж небезопасны слова, характеризующие моральный облик человека. Слишком они легко присваиваются кем попало, наполняются каким-то не тем смыслом. Мы знаем, как легко передергивать в этой игре. Мы понимаем, как все в жизни сложно и неоднозначно. Но от этого мы не перестали видеть и ценить в людях простые вещи: человеческую надежность, способность к дружбе и органическую неспособность к предательству. Поэтому удобно воспользоваться словом, максимально далеким от сферы моральных оценок, материалистическим и деловито-объективным. Можно долго спорить о том, кто такой *хороший человек*. Еще бы, тут придется вспомнить всю мировую литературу вместе с театром и кинематографом (ну, там «Плохой хороший человек» и пр.). А кто такой *качественный человек*, в общем-то, понятно.

Да, возвращаясь к заголовку. Слово *качество* все помнят по монологам Аркадия Райкина, где слесарь обирает новоселов, устраняя собственные недоделки. Марк Азов, один из райкинских авторов, написал, что это слово «почерпнуто из лексикона евреев-портных: „Это, по-вашему, качество? Это какчество!“ Но именно тут Аркадий Исаакович учуял что-то родное и как сел на это словечко, так и не захотел слезать: придумал и „рекбус“, и „кроксворд“, а главное, вытянул всю „большую промблему“: „Государство мне платит за количество, а за мое какчество будешь платить ты, жилец“» (<http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer6/Azov1.php>). Забавно, кстати, что в слове *качество* обнажена внутренняя форма слова *качество* – от *как*, *какой*, чего не скажешь о чисто балагурных словечках *рекбус*, *кроксворд*, *промблема*. Да они и не так запомнились, как *качество*. То есть *количество* – это *сколько* (*колько*), а *качество* – это *как* (ср. аналогично: лат. *quālītās* – от *quālis*). Чудесный и прозрачный, но редкий способ словообразования. Вот разве у философов еще есть слово из этой серии – *чтойность*.

Здоровое равнодушие

Когда-то уже довольно давно я увидела по телевизору интервью с журналистом и деятелем Рунета (весьма охранительного толка) Антоном Коробковым-Землянским. В частности, его спросили о гей-парадах, и он ответил, что к этому надо относиться *со здоровым равнодушием*. Если, мол, что-то меня напрямую не касается, то на это лучше не обращать внимания. И пояснил: если соседи бьют ребенка, то это меня, да, касается. Но если соседи бьют посуду, то пусть бьют, это их дело. Мысль вполне понятная. Весь вопрос в том, что человека, по его представлениям, касается, а что нет.

Но я задумалась над этим сочетанием – *здоровое равнодушие*. По какой причине Коробков не захотел воспользоваться дежурным словом *толерантность*, а выбрал нестандартное, даже парадоксальное сочетание? Парадоксальное оно вот почему. Дело в том, что русское слово *равнодушие* окрашено в особые тона. Конечно, можно сказать, например, *твое равнодушие к пиву* – и тогда мы почти ничего не узнаем о человеке, о котором говорим. Может, вообще он пламенный, а вот к пиву равнодушен, то есть безразличен. Другое дело – *равнодушный человек*. Это холодный, плохой человек. А *неравнодушный человек* – отзывчивый и хороший. И *равнодушие* просто так, без контекста, – это скорее что-то плохое. У Достоевского в «Бесах» есть сочетание *болезнь равнодушия*. И вот поди ж ты. Нам говорят о *здоровом равнодушии*, и мы прекрасно понимаем, о чем речь. И даже примерно понимаем, почему человек избегает слова *толерантность*.

Вообще русское слово *толерантность* имеет интересную историю. Оно употреблялось еще в середине XIX века – у Лескова, Достоевского и т. д. Вот пример, где оно использовано вполне современно:

Общество упорно отказывается дать свидетельство своей толерантности по отношению к людскому разномыслию, разночувствию и разностремлению, а в то же время само в собирательном составе своем не обнаруживает, чтобы оно опиралось на твердой почве самостоятельных мнений, и в несогласном шуме своем напоминает лишь ветром колеблемые трости (Н. С. Лесков. *Русские общественные заметки*, 1869).

На английский это слово здесь вполне можно было бы перевести как *tolerance*. Аналогично и с другими европейскими языками. Потом слово *толерантность* как-то подзабылось за ненужностью, вернее, осталось только в качестве биологического термина. А в последнее время, в ходе интенсивного освоения «западных» ценностей, вошло в моду. Однако многие люди сразу его невзлюбили.

Вот представим себе: узнают люди новое слово. Что же оно значит? Им говорят: ну, это по-русски *терпимость*. Да и словари пишут: *толерантность*, мол, – это терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям (Брокгауз и Ефрон, правда, толкуют *толерантность* более узко, как веротерпимость). Ну хорошо, вот есть два слова – *терпимость* и *толерантность*. Но язык не терпит дуплетов. И они сразу начинают как-то притираться, распределять сферы влияния, диссимилироваться. А как они распределяются – это вообще-то довольно предсказуемо. Когда одно и то же в русском языке обозначается и русским словом, даже если это и калька с иностранного, и заимствованием, то можно предположить, что первое будет дрейфовать в направлении чего-то исконного, а также внутреннего, связанного с чувствами, искреннего и относящегося скорее к отдельному человеку, а второе будет осмысленно как что-то несколько чуждое, связанное с поведением, возможно, фальшивое, а также скорее социальное. Например, *верность* и *преданность* – это в душе конкретного человека, а *лояльность* – в поведении, возможно и лице-

мерном, и это нечто более общественное. Когда слово *лояльность* только появилось в русском языке, этого в нем не было.

Так примерно и вышло с *терпимостью* и *толерантностью*. Сейчас очень часто противопоставляют плохую *толерантность* хорошей *терпимости*. Вот типичный заголовок статьи: «Толерантность: терпимость или вседозволенность?» Многие люди говорят: ненавижу *толерантность*, потому что *толерантность* значит «Моя хата с краю, ничего не знаю». Другие говорят: не надо учить детей *толерантности*, *толерантность* – это пораженчество. *Толерантность* часто связывают с равнодушием, опять-таки по контрасту с *терпимостью*. В *терпимости* очень ясно ощущается глагол *терпеть*, в частности, возникает ассоциация с другим его значением: *терпеть боль*. Мол, мы, страдая, *терпеливо* выносим недостатки других людей, как терпят боль, холод, голод. Соответственно в случае *толерантности* мы не то что терпим, а просто ничего не чувствуем. Особенно же характерна подобная риторика для православных текстов:

Терпимость – это русское понятие, которое возникло из православного отношения к жизни. <...> Мы должны терпеть несовершенство других, понимая, что и сами несовершенны. Таким образом, терпимость предполагает активную оценку действительности: четкое разделение хорошего и плохого, и терпение по отношению к тому, что еще не в силах измениться к лучшему. Толерантность – это западный термин, который возник из либерального отношения к жизни. Он не синоним терпимости, потому что за ним стоит совершенно другая концепция. <...> Поэтому толерантность безразлична к понятиям хорошо или плохо в абсолютном смысле этих слов. Она ориентируется на временные понятия, которые обеспечивают текущее спокойствие. <...> Человек должен быть безразличен ко греху, извращениям и растлению других людей, т. е. ко всему, что его лично не касается. При этом он сам может все это совершать, требуя толерантности к себе со стороны других (<http://www.missionary.su/theology/13.htm>).

Между тем, например, у философа Владимира Соловьева было другое понимание *терпимости*:

Так называется допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям. И это свойство и отношение не есть само по себе ни добродетель, ни порок, а может быть в различных случаях тем или другим, смотря по предмету (наприм., торжествующее злодеяние сильного над слабым не должно быть терпимо, и потому «терпимость» к нему не добродетельна, а безнравственна), главным же образом смотря по внутренним мотивам, каковыми могут быть здесь и великодушие, и малодушие, и уважение к правам других, и пренебрежение к их благу, и глубокая уверенность в побеждающей силе высшей истины, и равнодушие к этой истине (*Оправдание добра*, 1897).

Это очень близко к тому, как понимают *толерантность* те люди, которые являются ее адептами: даже не соглашаясь с позицией другого, пытаться его понять, и даже не понимая, признавать право другого человека жить по-своему. До тех пор, разумеется, пока это не затрагивает права других людей. Часто заимствуется слово, которое как будто имеет аналог в языке. Но у аналога совсем другие ассоциации, другая культурная «бахрома». И вот берется новое слово, берется вместе с целым пластом представлений и ассоциаций. Но тогда слов оказывается два, и тут уж они начинают конкурировать по внутренним законам языка. Пока непонятно, чем дело кончится с *толерантностью* и *терпимостью*. Поживем – увидим.

Бэд карма и мастдай

У меня в прошлой книжке есть рассказ о том, как один деятель искусства, повествуя о своей тяжелой жизни, с подобающим смирением произнес: «Ну что ж, такая моя харизма». Я предположила, что он спутал слова *харизма* и *планида* («судьба, участь»). И вот одна моя знакомая написала: «Я, конечно, не знаю, что это был за „деятель“ и какого именно „искусства“, но рискну предположить, что имел он в виду не старомодно-литературную „планиду“, а новомодную „карму“, которая вошла в речевой обиход относительно недавно – вместе с „харизмой“». Что ж, могло быть и такое. Хотя по типу мне показалось, что скорее у него могло быть в пассиве старое слово *планида*, которое послужило субстратом для нового – *харизма*. А слово *карма* как-то с ним не вязалось. Но поди пойми, что там у человека в голове.

Однако я задумалась о самом слове *карма*. Оно пришло к нам извилистыми путями. Если посмотреть Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>), легко заметить, что в текстах до 1970 года это слово встречается, но нечасто. Есть оно у Лескова, Толстого, Лосского, С. Булгакова, В. Соловьева, Рериха и т. д. – и всё в нормальном буддийском контексте. Ну, у Андрея Белого, конечно, не без метафор и фантазий. Вообще карма – это одно из центральных понятий в индийских религиях и философии, некий вселенский причинно-следственный закон, по которому праведные или греховные действия человека определяют его судьбу, причем не только в текущем, но и в последующих существованиях.

А на исходе тысячелетия на нас хлынул мутный поток оккультно-эзотерического варева, в котором булькала и *карма*:

Без специальных знаний невозможно определить, что является источником проблем: порча, сглаз, проклятие или карма.

Снятие порчи, коррекция кармы, целитель, снятие проклятия, экзорцизм.

Восковой отливкой можно достать даже на уровне зрелой, а при необходимости, и скрытой Кармы.

Плохие экстрасенсы нарушают закон кармы, когда устраняют последствия болезни. Одни латают ауру, другие чистят карму, но все это временно.

Любая подверженность порчам связана с кармой человека.

Здесь самое время обратиться к специалисту по карме. Дело в том, что на каждый род, семью отводится определенное количество кармической энергетики.

И вот уже Гребенщиков, который в свое время изрядно способствовал и увлечению эзотерикой, и популяризации самого слова *карма* (вспомним «Балладу о Кроки, Ништяке и Карме», которую он пел вместе с Майком Науменко), раздраженно отвечает на вопрос журналиста: «Может, нищенская пенсия – это карма, против которой, как вы сами как-то спели, не попрешь?» – «Я думаю, непонятное чужеземное слово *карма* здесь ни при чем. Существует социальная справедливость, которую можно обеспечить тем или иным образом».

А в последнее время слово *карма* употребляется и совершенно иначе. Говорят слегка иронически: *карма такая*, то есть попросту непраха. Например, обсуждается на каком-то сайте некий магазин бытовой техники, и кто-то пишет: вот его ругают, а у меня вся техника оттуда, да и у родителей, так что это если у кого-то *бэд карма*... (в смысле, кому как повезет).

А еще – еще бывает такая постановка вопроса: «Что такое Карма и как ей пользоваться на форуме?» Это уже, конечно, не про то, что, как пел Высоцкий, «если был как дерево, родишься баобабом», да и не про везение. Это некий цифровой показатель авторитета:

Если ты активный участник и постоянно участвуешь в жизни форума, например, отвечаешь на вопросы пользователей, то карма увеличивается, а если ты флудер и постоянно нарушаешь правила форума, то карма уменьшается. Это некое общественное мнение. Отношение к твоим постам. Чем больше карма, тем значит вас больше уважают и любят на форуме.

Тоже, между прочим, своего рода причинно-следственный закон. Кстати, в этом контексте *бэд карма* – плохой, значит, пост.

А вот еще одна история в тему. Недавно я наткнулась в Сети на забавную запись: «Смотрю фильм и не понимаю. Исус Христос суперзвезда, рок опера вот все понятно но причем тут виндоуз???»

Здесь я прерву цитату и спрошу: догадался ли кто-нибудь, о чем речь? Нет? Тогда цитирую дальше:

Первосвященники несколько раз повторили МАСТДАЙ. причем они явно кричали и возмущались что и тогда уже проблема виндусей была актуальна? или это пророчество/провидство???

Все помнят конечно же этот фрагмент из *Jesus Christ Superstar*:

So like John before him, this Jesus must die. For the sake of the nation, this Jesus must die.

ALL (*inside*). Must die, must die, this Jesus must die.

Вот молодой человек услышал это впервые и шутит: он решил, что обнаружил просто случайное и смешное созвучие. Нет, юноша, это даже не просто формально то же самое сочетание слов *must die*, это действительно именно то *мастдай* (*масдай*, *маздай*), которое *Windows*. Потому что зря многие программисты думают, что «выражение „мастдай“ появилось в среде сисадминов в 90-е годы. Так на жаргоне называли (и продолжают называть) *Windows* из-за ее ненадежности». Действительно, *Windows* часто так называют: «А я вчера мастдаище 98-е поставил»; «Re: Поработал я с Линуксом... Мастдай имхо лучше». – «Гнать в шею отсюда, пришедших под флагом M\$ Die 'я!!! Тошнит от этих юзверей»; «Что такое недопатченный мастдай или энциклопедия начинающего крехера»; «ВЫНЬДОС – *Windows*, она же МАСТДАЙ. (Син.: ВИНДА, ВИНДУЗА, ВИНДЮК, ОКОШКИ, СТЕКЛА и др.)». Однако говорят и по-другому, например: «Это просто мастдай / полный мастдай» в смысле «очень плохо»(хочется сказать: «бэд карма»). И здесь антонимом будет вовсе не *Линукс*, а *форевер*: «Прапорщик МАСТДАЙ! Сержант ФОРЕВА!»; «Универ мастдай, митхт тоже мастдай, учеба мастдай, все мастдай, прикладная медицина форевер»; «Тупы и примитивны. Полный мастдай!!!»; «Материализм мастдай, вы правы... но все же... не поверить ли вам хоть немного в светлое?»

По-моему, очевидно, что слово *мастдай* первоначально возникло вовсе не для обозначения *Windows*. Оно более раннего и более возвышенного происхождения. Его подхватили поклонники великой рок-оперы как некий западный вариант клича «Банзай!». А *Microsoft*, программы – это уж потом.

На ход ноги

Вообще-то возникновение новых слов обычно связано с изменениями картины мира. Ну, появился новый смысл, а слова-то для него нет, вот и... Однако в языке есть и другие механизмы. Прежде всего существуют разные подязыки, в частности, жаргоны – молодежные, профессиональные и пр. Здесь специфические словечки нужны как опознавательные знаки для своих, а то и как шифр – от чужих. И они, разумеется, должны меняться, а то постепенно словечки просачиваются за пределы узкого круга своих и теряют эксклюзивность. Но, кроме того, в языке явно действует и механизм обновления: людям надоедают одни и те же слова, хочется чего-то новенького. Старые слова затираются, новые кажутся яркими и свежими. Потом и они приедаются, и снова откуда-то берутся новые. Это особенно хорошо видно на всяких формулах речевого общения: у каждого поколения свои коммуникативные обыкновения. А еще очень характерны «слова-паразиты» – мода на них тоже меняется. Вот в последние годы – эпидемия на словечко *по ходу* (в интернете видим также написания *походу* и *походу*). Ну, там: «Ты что по ходу совсем дурак?»; «А у тебя по ходу самое длинное сочинение». Вот несколько примеров, выловленных в Сети (орфография, само собой, аутентичная):

Набираю в гугле «что делать», найдено 11 900 000 результатов. *по ходу* проблема очень актуальна...

По-ходу забился бензиновый фильтр в машине. Не завелся.

Каждый раз после визита к родителям (что своих, что жены) у меня в голове крутится один вопрос, *по ходу* не имеющий ответа: «зачем, НУ ЗАЧЕМ?! Ну вот нафига я ТАК ОБОЖРАЛСЯ?!»:).

В городе Н как-то все дует и красный восход не впечатляет. На набережной дубак *по ходу*.

И написала Насте в 23 часа, что МОЖЕТ не поеду (почему я выделяю «может», потому что *по ходу* Настя именно этого слова не заметила).

Походу я правда ф-ленты сильно засоряю.

Я *по ходу* заболела. Температура маленькая, но голову долбит конкретно!

Был отвратительный вечер, по пьяному делу люди расплатились с официанткой, а та *походу* воспользовалась и попросила расплатиться их еще раз.

Но сейчас-то я ничего не пишу. И поэтому через два года я, может, пролистаю страницу в 20 постов и скажу «ээ, чувак, да я так посмотрю с 2007 по 2009 ты ваще ничерта не делал *походу*».

И вот самый замечательный:

В хлебопечке сварил варенье из мякоти мандаринок, а потом подумал и из шкурок тоже. Первое вкусно кушать ложкой, второй *походу* хорошо на начинку пустить для какой-нибудь вкусняшки.

Тут все, что я люблю – и мандаринки, и *кушать*, и особенно – бр-р!.. – *вкусняшка*. Ну и тут же наше *походу*.

Вообще это слово довольно вульгарное. Правда, в молодежном сленге, кажется, сейчас почти общепринятое. При этом мне не раз приходилось слышать от коллег: «Да брось ты! Нет такого слова». Не попадалось. А ведь оно на каждом шагу – если места знать, конечно.

Судьба выражения *по ходу* в качестве «паразита» складывается так удачно, потому-то у него очень подходящий семантический потенциал. Подобные слова призваны помочь человеку в нелегком деле речевого общения. Трудно ведь одновременно говорить и думать, слова могут подвернуться какие-нибудь неточные. Вот язык и предлагает целый арсенал словечек, снимающих с говорящего ответственность за такие неточности. Классика жанра здесь – знаменитые *как бы* и *типа* (*типо*). Действительно, одно дело «Он профессор», и другое – «Он типа профессор» или «Он как бы профессор». А тут еще Грайс со своими постулатами!

Один из столпов лингвистической прагматики Г. П. Грайс выделил четыре принципа речевого общения (коммуникативные постулаты): 1) количества (требование информативности высказывания); 2) качества (требование истинности); 3) отношения (соответствие высказывания теме коммуникации); 4) способа (требование ясности – однозначности, упорядоченности и т. п.). Грайс называет это Принципом Кооперации. Он, конечно, признает, что люди часто в своем общении отклоняются от его постулатов. Он говорит лишь о том, что люди при говорении бессознательно стремятся следовать этим постулатам, а при восприятии речи друг друга интерпретируют ее исходя из предположения, что собеседник, скорее всего, им следует. Отсюда и фундаментальное понятие коммуникативной импликатуры.

Ничего себе: «Будь информативен»; «Не отклоняйся от темы». А как тут быть информативным и тем более как не отклоняться от темы, если говорится как-то само собой, а зачем – «затем, что ветру и орлу...» Поэтому очень удобно на всякий случай пересыпать речь словечками, которые помогают сделать вид, что вот это говорится так, между делом, как будто вообще-то человек открыл рот, чтобы сказать нечто важное, просто случайно отвлекся на что-то другое. Тут возможны такие выражения, как *между прочим*, *между тем*, *кстати* – и наше славное *по ходу* из этой когорты. Постепенно в выражении *по ходу*, конечно, остается лишь слабый след первоначальной идеи. В вариантах *по ходу дела* или, как сейчас часто говорят, *по ходу пьесы*, смысла гораздо больше. Но и употребляются они гораздо более ограниченно. *По ходу* содержит, так сказать, гомеопатическую дозу. Вроде почти что ничего, но при регулярном применении довольно эффективно.

Вообще было бы неверно считать, что подобное слово каждый раз конкретно указывает на то, что такая-то часть высказывания недостоверна, нерелевантна, неинформативна и т. п. Это некие словесные жесты, передающие определенную установку говорящего. Мол, не предъявляйте ко мне повышенных требований: это я так просто, пусть Грайс со своими постулатами пока покурит.

Между прочим, а почему мы так часто начинаем речь со слова *а*? Потому что очень трудно начать речь, вступить в словесный контакт. Вот мы и говорим «А скажите, пожалуйста...»; «А можно войти?» Как будто мы уже до этого с человеком разговаривали, а сейчас просто хотим тему сменить. А то действительно – как это прямо так и брякнуть: «Можно войти?» Или там: «Где найти директора?»

Да и закончить речь непросто, именно поэтому люди так часто в конце фразы прибавляют ни к селу ни к городу: *во-о-о-т* или еще что-нибудь в этом роде. Скажем, как в русском переводе «Над пропастью во ржи» – трогательно-беспомощное *и все такое...* Сейчас, кстати, в моде вариант *вот это все...*, до него – *как-то так...*

Лишняя информация и обманутые ожидания

И еще немного о Грайсе. 9 октября 2011 года Владимир Путин, в то время премьер-министр, сказал в каком-то интервью: «...и я, и действующий президент...» Отлично сказал. То есть на самом-то деле я сам уже практически президент, но будем корректны – пока что президентом считается Медведев. Тут все дело в этом слове – *действующий*. Почему *действующий*, а не просто *президент*? Это как если мужчина скажет: «Позвольте представить вас моей нынешней жене». Вполне вроде вежливо, но жена, скорее всего, обидится.

Наука, а именно как раз постулаты речевого общения Г. Грайса, учит нас: «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется». По умолчанию президент и так действующий, а жена актуальная. Поэтому лишние определения вносят дополнительный смысл: мол, пока-то президент (жена), а там посмотрим.

Или вот еще показательный случай. На следующий день после взрыва в белорусском метро 11 апреля 2011 года одна из новостных программ рассказывала о том, как в Москве люди приходят к посольству Белоруссии, чтобы выразить соболезнования белорусскому народу: «Люди идут, несут цветы. И это не флешмоб!»

Потом эту новость с чудесной фразой, что это, мол, *не флешмоб*, несколько раз повторяли в разных выпусках новостей, и я каждый раз вздрагивала.

Флешмоб (на данный момент рекомендованное написание таково), а также *флэшмоб*, *флэш моб*, *флэш-моб* или просто *моб*, от англ. *flash* («вспышка», «миг»); *mob* («толпа», «народ») – это заранее спланированная массовая акция, организованная через современные средства связи, в основном через интернет, в которой большая группа людей внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут выполняет заранее оговоренные действия, а затем быстро расходится. У классического *флешмоба* не должно быть никакой посторонней цели – ни коммерческой, ни политической. Чистый выплеск творческой энергии, и делается это для «фана» – для удовольствия то есть. Не случайно участников обычно предупреждают: не смеяться, сохранять серьезность. Участники *флешмоба* не знакомы друг с другом или делают вид, что не знакомы, – так их согласованные действия выглядят загадочнее. Придя на место немного заранее, надо сориентироваться, а потом отойти и заняться, скажем, покупкой жвачки, делая вид, что ты вообще здесь случайно. И быть наготове, чтобы в нужный момент мгновенно включиться в общее действо. В настоящем *флешмобе* всегда есть элемент абсурда – чтобы прохожие останавливались в недоумении, не понимая, что происходит. Конечно, сейчас границы жанра размываются, появились, например, *рекламные флешмобы*, но классический *флешмоб* именно таков.

Вот недавно школа «Класс-Центр», где учится моя дочь, проводила *танцевальный флешмоб* в большом торговом центре. Представьте себе картину: ровно в семь вечера грянула музыка, и, как по волшебству, огромную площадь в середине торгового центра заполнили нарядные дети, которые стали абсолютно синхронно танцевать. Причем музыка все время менялась – от вальса до хип-хопа и летки-енки. Надо ли говорить, что преподаватели танца все тщательно отрепетировали во всех классах, а потом была общая репетиция во дворе школы. Минут через десять музыка прекратилась, и дети разбежались. Было здорово.

И вот спрашивается: какое все это имеет отношение к людям, которые приносят цветы в знак соболезнования? Ну так что ж – корреспондент же и сказал: *НЕ флешмоб*. Здесь, однако, есть одна тонкость. Отрицание в естественном языке – не совсем то же, что отрицание в логике. Говоря, что что-то не является чем-то, мы тем самым указываем на то, что можно было ожидать, что оно таковым является, что кто-то утверждает, что является, и т. п. То есть корреспондент как бы говорит: вот вы небось подумали, что это такой *флешмоб* – синхронно нести цветы к посольству. Ан нет, не *флешмоб*! Поэтому фраза и звучит так дико. Тем более что

сейчас большинству людей совершенно понятно, зачем можно приносить цветы к посольству страны на следующий день после трагедии в этой стране, но не вполне понятно, что вообще такое *флешмоб*.

Неуловимое

В новогоднем (2011 года) поздравлении тогдашний президент Медведев пожелал россиянам жить в *счастливой, безопасной, благополучной* стране. Вообще-то он тут верен себе: и раньше говорил, что Россия должна стать лучшей страной для безопасной и *комфортной* жизни. Но я задумалась о слове *благополучный*. Нет, разумеется, это не новое слово. Просто я подумала, что раньше было бы странно услышать его в таком контексте. Говорили, например, *благополучное завершение путешествия* – обошлось, значит. Или *благополучная геомагнитная обстановка* – нигде вроде не рвануло и не собирается. Но это о *ситуациях* и событиях. Но еще говорили: *благополучный человек*. Это ведь не просто человек, у которого все хорошо, но это еще и человек, который потому несколько скучноват, лишен сильных страстей и не вполне способен к сопереживанию. Что-то есть в таком человеке мелкое. Что-то глубоко неинтересное. И вообще – да что он может понимать в настоящей жизни, благополучный человек?

Вот несколько характерных примеров из Национального корпуса русского языка:

«Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят...» Рахманиновская музыка на эти стихи мне не нравится. Светлой грусти весенней нет в этой музыке. А надо сказать, что благополучные, так сказать, спортивно-здоровые люди в большинстве случаев равнодушны, не замечают, не ценят да и не подозревают великого значения, несказанной значимости красот природы. Здоровые не ценят... Это не значит, конечно, что всякий человек, заполучив острое или хроническое заболевание, начнет переживать отражение облаков в луже. Сказываю о тех, кто может вместить, кому дано (Б. В. Шергин. *Из дневников 1930–1960 г г.*).

Кипренский уговорил Тамаринского вместе пойти к Торвальдсену посмотреть бюст Байрона и поговорить о поэте. <...> Когда я кончил бюст, Байрон мельком взглянул на него и сказал: «Вы сделали не меня, а благополучного человека. На вашем бюсте я не похож». – «Что же дурного, если человек счастлив?» – спросил я. «Торвальдсен, – сказал он, и лицо его по бледнело от гнева, – счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина» (К. Г. Паустовский. *Орест Кипренский*, 1936).

Благополучные, нарядные люди! Я сразу подумала о своей старой шубе, о незавитых волосах и незакрашенной седине. Оказывается, здесь буду не только я со своей памятью и работой, наедине с лесом, небом и книгами, а я и чужие люди, да еще такие, которым скучновато и хочется поразвлечься (Л. К. Чуковская. *Спуск под воду*, 1972).

Еще было такое слово – *сытый*. С еще более выраженным негативным оттенком. *Сытый* – читай равнодушный, душевно черствый, глухой к чужим переживаниям. Потому и у Цветаевой:

Если душа родилась крылатой...

.....

Два на миру у меня врага,

Два близнеца, неразрывно – слитых:

Голод голодных – и сытость сытых!

«Голод голодных» ненавистен, потому что для человека с душой мучительно чужое страдание, а «сытость сытых» – вовсе не потому что *крылатая душа* завистлива. Просто *сытые* не понимают голодных, не чувствуют их страдания, их души не крылаты.

Возможно было раньше и сочетание *благополучная страна* – это, к примеру, Швейцария. В войнах не участвует, революций не практикует, держит себе в банках золотые слитки – не будем говорить чьи; шоколад, сыр, часы, перочинные ножики производит. Я, кстати, очень люблю Швейцарию, тут просто речь об определенном культурном стереотипе. Как написал Лев Лосев,

В Женеве важной, нет, в Женеве нежной, в Швейцарии, вальсальной
и смешной, в Швейцарии, со всей Европой смежной, в Женеве вежливой,
в Швейцарии с мощной, набитой золотом, коровами, горами, пластами сыра
с каплями росы...

(«У женеvского часовщика»)

А и правда – поди плохо, если и у нас все будет так же чистенько и шоколадно. Вполне себе новогоднее пожелание. Сюжет для небольшого рождественского рассказа.

Почему я говорю «неуловимое»? Тут ведь не само слово *благополучный* как-то особенно изменилось. Изменились представления о мире, ценности и ориентиры, и потому слово вдруг естественно возникает в таком контексте, в каком раньше едва ли могло фигурировать. Может, *благополучный человек, благополучная страна* – это вовсе не мелко, не скучно, а очень даже хорошо? Правда, теперь все опять поменялось, и у нас новый приступ мании величия... Ну дождемся следующего исторического витка.

Еще я все думаю о слове *менять*. Сейчас часто стали говорить: *менять машину, поменять телефон*. Такое значение было у слова *менять* и раньше: «Меняет женщин, как перчатки». И все-таки во фразах: «Хочу поменять машину», «Пора менять телефон» – есть, воля ваша, что-то остросовременное.

Потому что изменилось само отношение к вещам. Раньше вещи должны были служить долго. У нас на даче до сих пор функционирует стиральная машина ЗВИ (кто не помнит: ЗВИ – это «Завод Владимира Ильича»), которой уже более полувека. У нее две секции: в одной (воду туда заливать надо шлангом) белье стирается, скручиваясь в тугие жгуты, для борьбы с чем предусмотрено нечто вроде огромного деревянного пинцета, другая представляет собой центрифугу, в которой белье вращается с дикой скоростью, выжимаясь почти досуха – и ино гда до дыр. Понятия о *деликатной машинной стирке* то гда не было. Вещи из *деликатных тканей* просто стирали руками. Что-то там на центрифуге такое написано, не соответствующее нормам современной орфографии. Каждое лето обращаю внимание, но потом за зиму забываю. Вот, правда, холодильник «Саратов» все-таки уже лет десять как сдох. Теперь не то. Приятельница спрашивает: «Там никому не нужна посудомоечная машина, а то я собираюсь менять?» Я говорю по старинке: «Так она что, плохо работает?» – «Да нет, – говорит, – работает отлично, просто сколько можно».

С автомобилями еще понятно: через сколько-то лет эксплуатация дорожает, страховка становится менее выгодной, так что в некоторых случаях лучше старую машину поскорей продать и купить новую – благо дефицита сейчас нет. Но вот с телефонами – совсем чистый случай. Телефон меняют часто только потому, что появилась новая модель. Не то что старая чем-то не устраивает, а просто зачем старая, если есть новая. Вещи морально устаревают быстрее, чем выходят из строя. Все должно обновляться, потому что жизнь не стоит на месте.

И вот опять *неуловимое*: вроде со словом *менять* ничего особенного не произошло, но зазвучало оно как-то по-иному. Контекст изменился. Такие вещи забываются: трудно уже через несколько лет вспомнить, что какое-то сочетание резануло слух или только чуть-чуть остановило внимание, а тем более – что в нем казалось странным. И тогда-то никакие корпус-

ные исследования, никакая статистика не смогут заменить сегодняшнего живого уха. Моего, в частности. Я знаю, что, плохо ли, хорошо ли я описываю языковые казусы, но в любом случае мои заметки – свидетельства, которые пригодятся. И это утешает.

Слова и случаи

Я вкус в нем нахожу

Прочитала я однажды в Фейсбуке запись литератора Константина Кропоткина: «Кстати, задумался, вот. А может ли вино быть „вкусным“ (или даже „вкусненьким“)? Есть в этом прилагательном и неточность, и излишество. Поймать не могу, в чем». Я стала отвечать про слово *вкусный*, написав в частности: «Это языковая игра, и смысл ясен: он хочет подчеркнуть... – И потом спохватилась: – Ну, это ведь Вы про интервью Антона Красовского говорили?» Да, конечно, речь была именно о нашумевшем интервью, которое как раз в тот день опубликовал «Сноб». Я тоже сразу обратила внимание на употребление слова *вкусненький*:

Меня, наверное, поймет Ксения Собчак. И, может, Леонид Парфенов. И многие другие. Это борьба между собственным конформизмом, любовью к *вкусненькому* шабли и какой-то такой правдой, которая вдруг врывается, и никуда от нее не деться. Наступает момент, когда тебе все становится кристально ясно, и ты думаешь с тоской: «Господи, шабли такое *вкусненькое-вкусненькое*», – а потом все равно выходишь и говоришь то, что говоришь (<http://www.snob.ru/selected/entry/57187>).

Последовал живой обмен мнениями:

Да, так говорят про дешевое вино. – Я слышал не раз о вкусном вине – такое салонно-девочковое словосочетание. – Конечно, оно бывает вкусным. «купи вина повкусней» – говорит гёрлфренд, и я беру сладкую массандру. не знаю, бывает ли вкусным шабли – не пил. – «вкусность» к вину у меня плохо подклеивается, потому что я не пью сладкого вина, считая его <...> сахарным, конфетным, убивающим винный вкус в конце концов. – Дурное, да, хорошее, да, отличное, да, интересное – я тоже могу сказать, а еще и с послевкусием, с букетом, в конце концов, но вкусным (как и невкусным) ему быть не получается. Котлетные возникают ассоциации. Хотя формально все в порядке.

В общем, все согласились, что что-то в этом сочетании не так: *вкусное вино* – это говорит не знаток и ценитель, а тот, для кого вино – такой хмельной компотик, скорее всего приторный (вряд ли так назовут сухое вино). Все дело в том, что по-настоящему в вине важен не только вкус и послевкусие, но и букет меняющихся ароматов, и какие-то ощущения, которые ближе к осязательным, чем к вкусовым, плюс еще крепость и эффект (в голову, в ноги ударяет, какое-то настроение создает), – то есть оно воспринимается не только при помощи вкусовых рецепторов, а сложнее. Вот лишь некоторые определения, характеризующие разные вина: *бархатистое вино, маслянистое, гибкое вино, животное вино* (обладающее букетом ароматов кожи, мускуса, дичи), *мягкое вино, уравновешенное вино, вяжущее, нервное вино, агрессивное, округленное вино*. А вот что пишут про то самое шабли (*Chablis*): «...Живое белое вино, утонченное и изысканное, с тонами зрелых фруктов с минеральными оттенками» (<http://rdrv.ru/frantsiya/shabli-chablis.html>). В общем, именно такое вино особенно странно назвать *вкусненьким*.

Вкусное вино – это примерно как когда говорят: «Хорошо поет, громко» или «Хороший чай, горячий и сладкий». Для ценителей чая такая фраза звучит абсурдно. Дж. Оруэлл в своем эссе 1946 года «Чашка отменного чая» называет «заблудшими» людей, которые «вовсе

не любят чай как таковой и пьют его лишь для того, чтобы взбодриться и согреться, и кладут сахар, чтобы отбить привкус чая».

Тем не менее, автор в данном случае знает, что говорит. И мне почему-то кажется, что Красовский нормально разбирается в вине. Это языковая игра, и смысл ее ясен: он хочет подчеркнуть органичность стремления человека к простым и ясным приятным ощущениям. Иными словами, автор противопоставляет мучительную жажду правды и непреодолимую тягу человека к комфорту и удовольствию. И в таком контексте сказать, что шабли «такое изысканное» или «такое утонченное» – это было бы не то.

Тут вот что еще интересно. Вполне нормально говорить о *вкусе вина* – ну там, *ягодном, кисловатом, свежем*. Но не о *вкусном вине*. Получается, что слова *вкус* и *вкусный* различаются сильнее, чем кажется на первый взгляд. Недостаточно сказать, что *вкусный* – это имеющий приятный вкус. Видимо, *вкусный* предполагает, что вкус – это основной критерий, по которому оценивается данный объект. То есть имеет приятный вкус и именно этим ценен.

И еще забавная деталь. Как известно, у слова *вкус* есть, кроме прямого, переносное, эстетическое значение (*одеваться со вкусом*). Когда-то, в XVIII веке, так пробовали употреблять и прилагательное *вкусный* (*вкусные стихи*), но почему-то не прижилось. А сейчас снова можно встретить сочетания *вкусный текст* или те же *вкусные стихи*, которые, кстати, многих людей ужасно раздражают. Однако *вкусный текст* в этом новом модном смысле указывает вовсе не на то, что у автора *тонкий вкус*, а на то, что от чтения этого произведения испытываешь почти физиологическое удовольствие.

И наконец, очень важное замечание. Иногда говорят также *вкусная водка* – и это тоже не вполне стандартное, слегка игровое сочетание. Однако *вкусная водка* и *вкусное вино* – совсем разные вещи. Если сочетание *вкусное вино* или там *вкусный коньяк* обличает человека как профана, не знающего толка в винах и коньяках, то сочетание *вкусная водка*, напротив, указывает на подлинного ценителя этого напитка. Как раз профан думает, что в водке важен не вкус, а достигаемый результат. А вкус – чего там, чем его меньше, тем лучше (водка чище, меньше сивушных масел, меньше потом голова болит). На эту же тему старая шутка, что «водка бывает хорошая – и очень хорошая». Водку вообще проглотить трудно, особенно первую рюмку («первая колом»), – не случайно, выпив, человек часто морщится и осипшим голосом говорит что-нибудь вроде: «И как ее беспартийные пьют». «Выпей, как лекарство», – уговаривают человека, которому надо согреться или успокоиться.

Но есть у нас особая культура питья водки: со своим ритуалом, приемами, ритмом, закусками, тостами и обязательным душевным общением:

Водку нельзя «жрать», водку нужно «кушать». Недаром так аппетитно звучит старинная фраза: «откушать водочки». Именно «откушать». Никакой другой крепкий напиток в мире, кроме водки, не вызывает после выпивания желания смачно и аппетитно крякнуть и немедленно закусить выпитое (Е. Гришковец. *Из личного (про водку)*, 2011 (http://vodka-baikal.com/files/docs/iz_lichnogo_opyta_pro_vodku.pdf)).

В этом контексте водка – это именно *вкусно*, и с ее специфическим вкусом связан целый мир (кстати, у Гришковца как раз все это очень подробно и со знанием дела описано). Здесь (спасибо, кстати, за ссылки М. Горбаневскому) <http://2006–2009.littleone.ru/archive/index.php/t-776928.html> большая дискуссия на тему «Вкусная водка». Особенно меня поразило замечание, что хорошую водку лучше не замораживать, а то не почувствуешь ее вкуса. Настоящие ценители собрались.

А вот как лингвист И. А. Мельчук вспоминает о старшем коллеге А. А. Реформатском:

Он любил друзей и учеников <...>, застолье и водку («Игорь, она же вку-у-усная!») – сказал он мне как-то, лукаво поглядывая на меня поверх рюмки,

которую подносил к губам) (И. А. Мельчук. *Памяти А. А. Реформатского*. Russian Linguistics. 1980. № 4).

Могём!

В 90-е на телевидении появился странный продукт под названием «Русский проект» ОРТ. Это было нечто вроде социальной рекламы, только посвященной национальной рефлексии. Один из наиболее удачных клипов назывался «Все у нас получится»: там был показан человек, который, невзирая на страшную бурю за окном, вдруг обретает уверенность в победе в битве за урожай от взгляда на ушастого зайца и фотографию дочурки с бантами. Его добрая отрешенная улыбка и сопровождается подписью: «Все у нас получится!» Я тогда обратила внимание на то, как хорошо этот клип отражает русские культурные стереотипы и как правильно выбрана грамматическая форма («Все у нас получится»), в которой субъект (*мы*) не является подлежащим (*у нас*). Мы даже с А. Шмелевым упомянули этот клип в заметке о словах типа *авось, угораздило, обойдется, пронесет*. Действительно, рассуждали мы, что должно вселять в человека оптимизм и бодрость духа? Если «по-западному», нам должны были бы показывать людей, которые уверены в успехе, потому что обладают высокой квалификацией, опытом и чувством ответственности. Клип мог бы называться, например, «Мы справимся» (заметим, что подлежащее здесь – *мы*). Вместо этого – зайцы, бантики, иррациональная вера в то, что все *обойдется, сложится или получится*.

Я, конечно, не могла не вспомнить эту историю, когда в 2008 году Барак Обама триумфально прошествовал к президентскому креслу с предвыборным слоганом *Yes, we can!* («Да, мы можем!»). Вообще риторика его замечательна.

А как он произносит вновь и вновь этот свой рефрен *Yes, we can!* – без надрыва и истерики, без малейшей агрессии! Так, я бы сказала, вежливо, но твердо. Прямо завидно слушать. Нет, конечно, завидую я не Обаме, а народу, с которым ТАК говорят.

Правда, как раз по поводу того, что Запад есть Запад, а Восток, соответственно, есть Восток, тут у Обамы вышла история: татарские СМИ обвинили его в том, что он украл национальный лозунг президента Минтимера Шаймиева «Без булдырабыз!» («Мы можем!»). Да вообще плагиатор. Если кто не заметил, другой свой слоган *We need change!* Обама тоже попятил – у группы «Кино» и лично Виктора Цоя. Помните: «Перемен! Мы ждем перемен!»?

Все сказанное – такое длинное предисловие. На самом деле я хочу поделиться одним лингвистическим наблюдением, касающимся именно *Yes, we can!* Как ни удивительно, но столь простая фраза – это, как сказано в знаменитой комедии, неперевожимая игра слов. Все дело в *yes*. Английское *yes* может, в отличие от русского *да*, использоваться не только для подтверждения, но и для опровержения. Возможен и, более того, совершенно типичен диалог: *You can't do it! – Yes, I can.* По-русски же неправильно: «Вы этого не можете!» – «Да, могу!» Тут надо сказать: «Нет, могу». Наше *да* выражает скорее согласие с собеседником, а не удостоверение правильности содержания высказывания. Кстати, и в немецком нельзя здесь употребить слово *ja* («да»). Там для этой ситуации существует отдельное замечательное слово *doch* (нечто вроде «нет да»). Замечу попутно, что мы с моим коллегой Д. Добровольским сравнивали употребление русского *нет* и немецкого *nein*, и обнаружили весьма нетривиальные различия.

Так вот, в «Винни-Пухе» говорится о Пятачке, что он настаивал, будто надпись на обломанной табличке у его дома «ПОСТОРОННИМ В» – это имя его дедушки. Дальше по-английски так: «Christopher Robin said you couldn't be called Trespassers W, and Piglet said *yes, you could*, because his grandfather was». А в заходеровском тексте так: «Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени – Посторонним В., а Пятачок ответил, что *нет, может, нет, может*, потому что дедушку же так звали!» Даже читатель, не знающий немецкого, уже догадался, что окажется в этом месте немецкого перевода. Естественно: «Christopher Robin sagte, man könne nicht Betreten V heißen, und Ferkel sagte, *doch, das könne man*, sein Großvater habe ja so geheißен».

И вот теперь как же быть с формулой Обамы? Ведь на русский она должна была бы не всегда переводиться как «Да, мы можем» – а иной раз и как «Нет, мы можем».

У него есть пассажи, которые в буквальном переводе выглядят примерно так: «Нам говорили, что мы не готовы к переменам, что мы не можем... Да, мы можем». По-русски получается полное отсутствие связности. Но переводить подобный рефрен по-разному – это разрушать все НЛП (нейро-лингвистическое программирование), не говоря уж о художественных достоинствах. Самый простой выход состоял бы в том, чтобы просто опустить *yes*, ограничившись формулировкой «Мы можем!» Но это *yes* в начале фразы очень важно. Во-первых, оно придает формуле диалогичность, а во-вторых, дает мощную позитивную установку. Так что без *yes* никак невозможно. Вот ведь проблема.

Только кажется, что *да* и *нет* выражают такие простые и очевидные идеи, что должны вести себя в разных языках одинаково. А это совершенно не так. Что касается русского *нет*, самая, пожалуй, забавная особенность, которая больше всего бросается в глаза (вернее, в уши) иностранцам, – наше обыкновение говорить *нет* в смысле *да*. Диалог «Ты придешь?» – «*Нет*, я приду!» в написанном виде выглядит абсурдно, а между тем мы именно так и разговариваем.

Вот еще несколько примеров «подтверждающего» *нет*:

- Почему ты не сдал работу вовремя? *Нет*, это просто дурь какая-то!
- Смотри! Наш сын убрал свою комнату. *Нет*, какой хороший мальчик!
- Давай напишем статью вместе!
- *Нет*, я тоже уже об этом думал.
- Поедем лучше на машине!
- *Нет*, да, это намного дешевле.
- Мне нужно обязательно поесть. Я ведь только вечером окажусь дома.
- *Нет*, правда. В поезде нормально не поешь.
- Мы должны позвонить Пете.
- *Нет*, правильно. А то он опоздает.
- Он правильно поступил.
- *Нет*, точно. Он молодец.

Здесь очень показательны сочетания *нет, правда, нет, да, нет, правильно* и т. п.

Такая особенность русского *нет* возникла не вчера. Вот пример из «Идиота» Достоевского: «„Нет, вы найдите-ка такую красавицу, ура!“ – кричали ближайшие».

Итак, парадоксальным образом русское отрицание *нет* часто используется для выражения энергичного согласия с собеседником. Этим *нет* человек как бы отрицает саму возможность каких бы то ни было сомнений, допустимость самого предположения, что он думает иначе. Кроме того, это *нет* можно связать с тем, что человек настолько согласен с собеседником, что торопится перебить его, перехватить инициативу и высказаться. Отрицание, таким образом, в русском непринужденном разговоре часто служит сигналом *turn-taking*: стоп, теперь я беру слово!

А может быть, и наоборот. Вот человек возмущается: «Какой дурак! Нет, ну какой дурак!» Без *нет* вторая фраза звучала бы не очень ловко. А с *нет* – хорошо. Просто человек уже сказал один раз: «Какой дурак!» – и вроде он уже высказался. Говорить второй раз то же самое как-то странно. А этим *нет* он первое высказывание как бы отменяет и получает санкцию выплеснуть свои эмоции еще раз. А вместе с тем сигнализирует собеседнику, что не готов передать ему слово, что еще не до конца самовыразился...

В общем, все непросто. И вот спрашивается, можем ли мы в таких условиях мечтать о демократии? *Yes, we can! Yes, we can! Yes, we can!*

Умом олимпиаду не понять

Ну и уж заодно о культурных стереотипах. Специалисты по этнолингвистике, этно-культурологии часто слышат раздраженное: да бросьте вы носиться со своей национальной спецификой! Все это такая архаика, все эти ваши *авось, воля, просторы!* У людей уже совсем другие ценности, а это язык сохраняет по инерции. И правда, многое изменилось. И все же некоторые культурные стереотипы поразительно живучи – например, представление о том, каковы «мы».

Вот реклама Сочинской олимпиады 2014 года (начали крутить лет за пять до События). Характерный голос Познера за кадром:

Мы люди крайностей. Мы трудно зарабатываем на Севере и легко тратим на Юге. Мы ездим по бездорожью так же хорошо, как и по дорогам. У нас даже Новый год может быть старым. Когда мы занимаем места, то на всех, когда мы выигрываем – это надолго. Мы верим в себя так, что заставляем поверить в себя других. У нас не получится обыкновенно: это будет великая Олимпиада. Олимпиада для всей страны. Олимпиада каждого. Поехали.

В другом ролике (а их целая серия):

Мы люди крайностей. Даже в космосе мы можем быть первыми на земле. У нас даже слабость может быть силой. У нас даже в жару бывает мороз по коже. Мы проигрываем так же красиво, как и выигрываем. Мы любим таким, какой есть. Мы встречаем так, что с нами уже не расстаться. Мы проводим зимнюю олимпиаду там, где вся страна отдыхает летом.

И опять слоган, который произносит Познер в конце каждого ролика: «У нас не получится обыкновенно: это будет великая Олимпиада. Олимпиада всей страны, Олимпиада каждого». И опять гагаринское «Поехали!».

Что ж, очень духоподъемно и весьма объединяюще. Но прочтем еще раз медленно. «Мы люди крайностей».

Ну, понятно дело – «...Коль грозить, так не на шутку... коли пир, так пир горой». В общем, как говорит герой Достоевского, «я бы сузил».

«Мы трудно зарабатываем на Севере и легко тратим на Юге».

Опять всевозможные контрасты: Север – Юг, трудно – легко, зарабатываем – тратим. Ну и, естественно, просторы: «широка страна моя родная», «с южных гор до северных морей». «От Японии до Англии». «Равняется четырем Франциям». Шоколадные конфеты «Родные просторы».

«Мы ездим по бездорожью так же хорошо, как и по дорогам».

Ну, это *удаль*. Хлопнул стакан, взял колхозный трактор – и ну по ухабам, по развороченным и раскисшим дорогам. Пусть это и не привлечет на Олимпиаду туристов, но важнее, что мы самые-самые. Если нечем похвастаться, можно бахвалиться тем, что ни у кого нет таких плохих дорог, как у нас. Правда, после катастрофы Невского экспресса как раз в 2009 году пострадавшие несколько часов не могли дожидаться помощи, потому что «скорые» все же не умеют «ездить по бездорожью так же хорошо, как и по дорогам».

«У нас даже Новый год может быть старым».

Это так, для пушей парадоксальности.

«Когда мы занимаем места, то на всех, когда мы выигрываем – это надолго».

На всех – ясно: всем миром, общинность, соборность, коллективизм. Не без некоторого шапкозакаидательства, как водится.

«Мы верим в себя так, что заставляем поверить в себя других».

Ага, в Россию же «можно только верить».

«У нас не получится обыкновенно: это будет великая Олимпиада».

О, это да. «Особенная статья... аршином общим не измерить». Третий путь. В общем, мы опять настаиваем, что мы не как все. И захотели бы, так *обыкновенно* не получится.

И снова: «Мы люди крайностей».

Да, да, знаем. Далее эти крайности иллюстрируются довольно случайным набором формулировок:

«Даже в космосе мы можем быть первыми на земле».

«У нас даже слабость может быть силой».

«У нас даже в жару бывает мороз по коже».

Надо сказать, что вообще во втором ролике вдохновение как-то изменяет авторам. Матрица остается той же, но материал уже наскребается с трудом.

«Мы проигрываем так же красиво, как и выигрываем».

Это, конечно, немного не из той оперы. Авторы решили напомнить, кто тут именинник, поэтому возникла тема спорта.

«Мы любим таким, какой есть».

Это я не знаю к чему. В смысле что «по милу хорош»? Или что «полюбишь и козла»?

«Мы встречаем так, что с нами уже не расстаться».

О, вот, вспомнили еще важную вещь – *гостеприимство, хлебосольство*. Причем, настойчивое – как в глаголе *потчевать* («Демьянова уха»). Эдакая агрессивная задуховенность. Попалась, мол, птичка, стой, не уйдешь из сети, не расстанемся с тобой ни за что на свете.

«Мы проводим зимнюю олимпиаду там, где вся страна отдыхает летом».

И опять иррациональность (ну не понять Россию умом!) – хотя и внешняя. Что такого сверхъестественного в том, что летом в Сочи, как и в Италии или Болгарии, можно купаться в море, а зимой кататься на горных лыжах? Хотя идея зимней олимпиады в субтропиках действительно оказалась весьма разорительной...

Вообще-то тут не требуется никакой особой деконструкции: все это считается элементарно. Авторы и сами говорили что-то насчет специфики русского национального характера. Интересно другое.

Предположим, это было бы озвучено голосом, скажем, Надежды Бабкиной. Выглядело бы как вполне естественный антураж для олимпиады в России. Местный колорит: гжель-хохлома, рушники-кокошники, караваи и матрешки, русские недели в Макдоналдсе, *удаль, размах, широкая русская душа, эхма – была не была*. Или, например, фирменным фальцетом Никиты Михалкова. Тоже ничего – была бы такая мелодекламация на темы русской национальной мифологии: «...А цыганская дочь – за любимым в ночь по родству бродяжьей души». «Он русский, это многое объясняет».

Но нет. Авторы поступили нетривиально. В. В. Познер – ведущий аналитических программ. Интеллектуал и мыслитель. Говорит вдумчиво и взвешенно. И произнесенные его вкрадчивым голосом, с интеллигентными интонациями и легким иностранным акцентом слова обретают совсем иной статус. Как будто это все говорится всерьез, без тени улыбки.

И тем самым двухсотлетней давности придумка, давно превратившаяся в лубок и китч, выдается за национальную идею. Долго думали, напряженно искали – и что же? Крайности и иррационализм, напористая душевность, особый путь – и обязательно чтобы куда-то нестись по ухабам. Куда? Не дает ответа. А другие государства и народы все «постораниваются» и «постораниваются». Таков он, русский пиар, «бессмысленный и беспощадный».

Концептуализация

Как научил нас еще в 1892 году немецкий математик, логик, философ Готлоб Фреге, в содержательной стороне языкового знака есть разные составляющие – то, что он назвал *смыслом* (*der Sinn*) и *значением* (*die Bedeutung*). Часто это переводят как *смысл* и *денотат*, но меня завораживает именно то, что два слова на первый взгляд про одно и то же. Да и немецкой паре слов русские *смысл* и *значение* вполне хорошо соответствуют. Речь вот о чем. *Значение* (*денотат*) – тот фрагмент внеязыковой действительности, с которым соотносится данное языковое выражение, а *смысл* – то, как объект представлен. Например, пишет Фреге, Утренняя звезда и Вечерняя звезда – это одно и то же (это, собственно, Венера). Значит, у двух выражений одинаковое *значение*, но разный *смысл*.

Рассказывая о языковой концептуализации, я люблю приводить два примера. По-русски мы говорим, что птичка *на дереве*, а по-английски или по-французски она, буквально, «в дереве». Картинка немного разная. В русском варианте дерево – это совокупность веточек, на которых и сидят птицы, в английском и французском – скорее крона, полупрозрачный шарик, и птицы внутри. Если ехать на поезде из Германии во Францию, можно заметить забавный факт: по разные стороны границы одно и то же действие по компостированию билета описывают прямо противоположным образом. Немецкое слово буквально означает «лишить ценности», а французское «сделать ценным». И то и другое понятно. Если билет прокомпо-стировать, то он уже как бы использован, то есть лишен ценности. А с другой стороны, пока он не прокомпо-стирован, это еще не полноценный проездной документ.

Проблема здесь вот в чем: в языке подобные вещи фразеологизуются, костенеют, так что в каждом случае непонятно, влияет ли языковая концептуализация на наше представление об объекте. Ну в самом деле – какая нам разница, надо ли говорить *на почте* и *в аптеке* или *в почте* и *на аптеке*? Видим ли мы из-за этого по-разному? Поэтому так ценны случаи, когда язык предоставляет разные возможности концептуализации одного и того же и говорящий может выбрать.

Как читатель догадался, я это рассказываю не просто так. Когда в храме Христа Спасителя был выставлен пояс Богородицы, я, приехав на Кропоткинскую в свой институт, услышала в метро объявление, что «начало очереди» к храму в настоящий момент у станции метро «Воробьевы горы» (для иногородних читателей: это на четыре остановки дальше). Я сразу вспомнила советский анекдот про троллейбус: «Остановка винный магазин. Следующая остановка – конец очереди». Действительно, ведь про одно и то же можно сказать и *конец очереди*, и *начало очереди*. Подходя к очереди, человек ищет *последнего*, а не первого. А *первый в очереди* – это не тот, кто только что подошел, а тот, кто давно стоит и уже у цели. Ну, или как-то протырился в *начало очереди*. В этом случае *очередь* для нас – это хвост из людей, которые пристраиваются чередом друг за другом. Но можно мыслить и иначе: вот человек пришел и *начал* свое стояние. Для него лично очередь на Воробьевых горах *начинается*, длится много часов и *заканчивается* у входа в храм. Концептуализация, однако.

Я просмотрела публикации про пояс Богородицы. Писали и про *конец очереди*, и про *начало очереди*, иногда прямо в рамках одной заметки. Но отчетливо преобладала формулировка *начало очереди*. И думаю, что это не случайно. Выходя из храма, многие люди говорили примерно одно и то же: если хочешь *почувствовать*, то надо отстоять всю очередь. И даже так: те, которые без очереди по спецпропускам, – на тех не подействует. То есть многочасовое стояние – необходимое условие религиозного экстаза, благодати, чудодейственного эффекта. Очередь концептуализуется как паломничество, и поэтому естественно говорить о *начале очереди* как о начале пути.

И последнее. А все же приятно, что подзабылась стандартная советская сочетаемость: вот и выражение *конец очереди* уже не срывается само собой с горячих губ, как ночной ястреб.

Запад есть Запад, Восток есть Восток

В последние годы в сети время от времени всплывает (иногда в виде демотиватора, иногда просто как цитата) некое высказывание: Наши демократические писак и оппозиционеры поливают нашу страну грязью, отрабатывая деньги, которые им платит Запад. Эти оппозиционеры существуют на деньги США и являются послушны ми псами своих заокеанских хозяев; не секрет, что все так называемые «оппозиционеры» – враги нашего народа – финансируются Западом, живут на его подачки...

При этом сообщается обычно, что это слова Йозефа Геббельса, сказанные им на открытии Министерства пропаганды 12 марта 1933 года. Ну, цитирующие имеют в виду, что вот, мол, как эта риторика нам знакома.

Однако в сети же находятся и расследования по поводу этой цитаты: ее не удастся найти у Геббельса. Вот здесь, например, – <http://Aabas.livejournal.com/945525.html> – подробно рассказывается, что на одном белорусском форуме есть подборка, в которую входит эта и подобные цитаты, приписываемые Гитлеру, Геббельсу и т. д., причем даются ссылки на источники, но автор поста проверил: книг таких не существует, а в указанных речах Гитлера и Геббельса цитированные пассажи отсутствуют, и следы ведут к рукописной неопубликованной статье неизвестного русскоязычного автора.

Тем не менее, другие сетевые писатели настаивают, что хотя

Геббельс действительно не говорил этого, это говорил сам Гитлер в разговоре с Hans Ritter von Lex. И было это 13-го марта 1933, а не 12-го. Пере вод тоже получился у автора довольно вольным, но суть дела это никак не изменяет. Вот документальное подтверждение: www.ifz-muenchen.de/heftarchiv/2002_1_5_dierker.pdf (страницы: 27–29). По всей видимости, переводчик либо все сильно переврал, либо это был очень вольный перевод, либо существует более ранний текст Геббельса, где он позволил себе выразиться более откровенно. Финансового аспекта в данном тексте не прослеживается, хотя в изначальной цитате весь упор идет именно на «продажность западу» (<http://ehrte.livejournal.com/29878.html>).

В общем, не очень-то похоже.

К чему я все это рассказываю? Дело в том, что даже без этих разысканий в исходной цитате кое-что должно было бы читателя насторожить. Среди прочего я имею в виду слово *Запад*. Сразу вспоминается пушкинское:

А далеко, на севере – в Париже –
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует.
А нам какое дело?

(«Каменный гость»)

Благодаря этому «на севере – в Париже» читатель сразу как бы переносится в Испанию.

Конечно, географически Англия и тем более Америка западнее Германии, но с чего бы Германии вдруг исключать себя из списка западных, а не восточных стран и выдумывать какой-то фантастический *Запад*, который вредит ей? Нет, это слово сразу перенаправляет нас в Россию, это наш родной культурный миф: Евразия или Азиопа, «Да, скифы – мы! <...> держали щит меж двух враждебных рас – монголов и Европы!» А уж «острый галльский смысл»

или «сумрачный германский гений», «парижских улиц ад» или «Кельна дымные громады» – это для нас почти что одно и то же. И *Drang nach Osten* – «натиск на восток» – это совсем не из Франции к Германии, а дальше, дальше.

Кстати о Франции и Германии. Знаменитая книжка Ремарка 1929 года, впоследствии запрещенная и сожженная в нацистской Германии, которая в русском переводе называется «На Западном фронте без перемен» и в английском примерно так же, в оригинале озаглавлена *Im Westen nichts Neues* – дословно «На Западе ничего нового». Конечно, если бы название перевели буквально, и по-русски, и по-английски оно было бы совершенно дезориентирующим.

В каждой культуре страны света обладают своими коннотациями. У американцев насыщено множеством смыслов и ассоциаций противопоставление Севера и Юга, а в русской картине мира Юг не всегда хорошо отличим от Востока: одного и того же человека одни назовут *южным*, другие *восточным*. А уж сколько в Америке своих ассоциаций с Западом (ковбои, вестерны и т. п.)! Об украинском понятии *западenceв* я вообще молчу (ну и тем более не будем отвлекаться на пропагандистскую функцию выражения «юго-восток Украины» для обозначения восточных областей Украины).

Конечно, есть общее для европейской культуры противопоставление Восток – Запад (Rudyard Kipling. *The Ballad of East and West*):

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet, Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat...

– О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
(Перевод Е. Полонской)

И когда в фильме «Белое солнце пустыни» (*истерне*, а не *вестерне*, кстати) говорят: «Восток – дело тонкое», – мы прекрасно понимаем, о чем тут речь, и это в русле «киплинговской» традиции. Но кроме этого, есть еще и другое.

В русской культуре Запад давно потерял четкие географические координаты. До такой степени, что сейчас часто, говоря о западных странах, упоминают Израиль и даже Японию, совершенно не смущаясь глобусом. Пропили, наверно. Хотя чего там, Земля круглая, можно и с той стороны подъехать. Мы хорошо помним (да и напоминают в последнее время) про *загнивающий Запад* (в советское время шутили: почему это, мол, Запад загнивает, распространяя аромат французских духов?), помним Галича:

...И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль без запаха!

(«Красный треугольник»)

Это представление о таинственном и зловредном Западе настолько укоренилось, что кажется носителю русского языка чем-то само собой разумеющимся. Один из комментаторов нашей исходной цитаты пишет в подтверждение ее до стоверности, что вот, мол, Геббельс всегда винит во всех бедах Рейха Запад – и цитирует немецкие фразы, в которых нет ни малейшего Запада, а есть «Лондон, Париж и Вашингтон» или «Лондон и Париж». Между прочим, если вернуться к тому загадочному списку цитат фашистских лидеров, о котором шла речь вначале, там слова *Запад* и *западный* буквально через слово. Даже Франко у них там сетует на *ужасы Запада*, хотя Пушкин уже объяснил, что Запад у испанцев на севере.

Кстати о Пушкине. Вот что он нам еще пишет:

Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада (*О втором томе «Истории русского народа» Полевого*).

Так что это давнее дело. Вот с тех пор эти другие мысли и формулы всё ищем, и ищем, и ищем, и ищем.

Черта местности

И еще немного истории с географией. Когда вспоминают августовский путч (трясущиеся руки Янаева, Ельцин на танке...), каждый раз в обращении ГКЧП меня цепляет формулировка: «в отдельных местностях Советского Союза». Она какая-то неловкая. Не случайно, когда пересказывают это заявление, обычно слово *местность* бессознательно заменяют на какое-нибудь другое. Я почему-то всегда представляла себе, как заговорщики сочиняют свой манифест, как подбирают слово, даже как спорят об ударении в странной форме *местностях*. Я ошибалась. То есть об ударении, может, и спорили. Но саму формулировку они просто списали из Закона о чрезвычайном положении. Собственно, и в действующем сейчас Федеральном конституционном законе от 30.05.2001 года №3-ФКЗ написано: «Статья 4. Введение чрезвычайного положения. 1. Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях вводится указом Президента Российской Федерации...». Если что, опять услышим про *отдельные местности*. Интересно, что это слово употребляется только в Статье 4, во всем же остальном тексте фигурирует слово *территория*.

Итак, почему же слово *местность* так нелепо смотрится в законе о чрезвычайном положении? А как вообще оно обычно употребляется? Ну, сразу приходит в голову: «бег по пересеченной местности», «привязка к местности», «ориентироваться на местности», «сойдет для сельской местности». Вот еще Бродский вспоминается: «Эта местность мне знакома, / Как окраина Китая!» («Представление»). В общем, *местность* – слово, так сказать, ландшафтное, топографическое и скорее природное. *Местность* – не просто кусок территории определенной площади или конфигурации, это территория, заполненная пригорками и ручейками, как сказал бы Гоголь, притом с достаточно однородным ландшафтом. У местности нет четких границ, зато есть характер – *болотистая* или *горная местность*, например. *Местность*, кстати, в старом значении – вообще скорее некоторое свойство, а не территория: «Все помнил он, умел всему придать / Блеск поэтический и местности печать» (П. А. Вяземский. *Дом Ивана Ивановича Дмитриева*, 1860). Между прочим, заголовок «Черта местности» – название другого стихотворения Вяземского. *Местность* не бывает обычно даже большой или маленькой. Хотя при этом *местностью* нельзя назвать ни слишком маленький участок, ни слишком большой регион. *Местность* – слово совершенно не административное. Этим оно напоминает слово *места* («*Места* там очень красивые»; «*Места* у нас глухие»; «В тех *местах* лесные пожары не редкость»). Кстати, слова *местность* и *места* трудно употребить по отношению, скажем, к Москве – это к вопросу о ЧП. Поэтому так смешно в *отдельных местностях*. Получается, что президент, прежде чем ввести ЧП, как будто мысленно летит над страной на своем дельтаплане и окидывает взором леса и холмы, реки и озера.

Совсем иная оптика, например, у слова *территория*. *Территорию* можно измерить, можно показать на карте, можно четко очертить ее границы. О *территории* можно говорить, ничего не зная о характере ландшафта. Независимо от того, располагаются ли на ней большие города. Независимо от того, однородный там ландшафт или совершенно разный.

Вообще слова, описывающие места и территории, весьма интересны. Есть, например, слова (их в свое время подробно разбирала моя коллега Е. В. Урысон, в частности, в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка), которые обозначают не имеющие четких границ территории, выделяемые относительно какого-то объекта. Это слова *окрестности*, *окрúга*, а также *район* в одном из значений (*район трех вокзалов*). Особенно симпатично слово *окрúга*: оно обязательно предполагает людей, которые живут на данной территории и объединены соседскими отношениями. *Окрúга*, как, например, *дом*, составляет часть их личной сферы. Собственно, *окрúга* и выделяется не относительно каких-то сооружений или улиц (не говорят

в *окрúге Арбата*), а как раз относительно жителей (говорят *у нас в окрúге*). *Окрúга* – фон, на котором происходят события в жизни ее обитателей.

А вот похожее слово *округ* – совершенно из другой серии. Тут, напротив, ничего личного. *Округ* – чисто административная единица, выделяемая более или менее произвольно («К какому округу Москвы относится район „Аэропорт“?» – «К Северному»).

Забавно получилось со словом *регион*. Оно вошло в моду не так давно, и явно потому, что другие слова уже обросли подробностями и коннотациями, а нужно было что-то нейтральное. Но прошло совсем немного времени, и у этого слова появились свои коннотации. Говорят: «из *регионов*, а не из центра». Из *регионов* – как раньше бы сказали из *провинции*, а потом – с *периферии*. Еще бывают *регионалы* – в отличие от *федералов*.

Вот, казалось бы, пространство – что-то очень простое и ясное. Геометрия, в общем. Но когда пространство обитаемо, все оказывается гораздо сложнее.

Вообще надо заметить, что язык любит обживать такие абстрактные и космические категории, как пространство и время, и заводить слова, которые воплощают частный, человеческий взгляд на них. Так, я очень люблю предлог *под* (*под Новый год*). Во-первых, данный предлог задает более или менее определенный временной отрезок: «канун» какого-либо события, соизмеримый с ним по длительности: *под Рождество* – день-два, *под утро* – два-три часа, *под старость* – несколько лет, *под закрытие магазина* – несколько минут. Этот период, скорее всего, уже окрашен ожиданием события, «подготовкой» к нему. Во-вторых, *под* связано не просто со временем, а с личным временем людей. Предлог *под* не может использоваться, например, при описании доисторических событий или космических катаклизмов. Временным ориентиром для *под* обычно служат события и явления, ощутимые в жизни отдельного человека, – праздники, смена дня и ночи, смена времен года и другие достаточно стабильные, фиксированные элементы мироздания. Этим *под* отличается, например от *перед*: можно ведь сказать и *перед Восьмым марта*, и *перед Большим взрывом*. Помните, как в фильме «Сладкая женщина» героиня Гундаревой, работница фабрики, вспоминает: «А я ведь как раз под женский праздник оформилась...»?

Извини-подвинься

Включаю я раз в Прощеное воскресенье ближе к вечеру телевизор... Мне многие знакомые говорят: «А зачем ты его вообще включаешь?» Так ведь вот не включила бы в тот раз – не услышала бы, как ведущий «Новостей» говорит: «Если кто-то еще не успел извиниться перед своими близкими...». Ну, в том смысле, что Прощеное воскресенье еще не закончилось и не поздно это сделать. Глагол *извиниться* здесь, разумеется, совершенно неуместен, нужно было бы сказать «попросить прощения у своих близких». *Извинить* и *простить* – это разные вещи. *Извинить* – более умственное, а зачастую и формальное, ритуальное действие. И обычно по достаточно конкретному поводу. *Простить* – это душевное движение. Не зря же говорят *простить всей душой, всем сердцем, искренне простить*. *Извинить всей душой или всем сердцем* невозможно, да и *искренне извинить* тоже. *Извиняют* иначе: взвесив все обстоятельства, сопоставив вину, принесенные извинения, понесенное наказание, приняв решение, что инцидент исчерпан. *Прощения* можно просить и не будучи виноватым, можно просить *прощения* огульно – за все, в чем был и не был виноват. *Прощение* может быть длительным процессом, требующим душевной работы. Поэтому можно сказать «Я тебя давно простила», но едва ли – «Я тебя давно извинила». И наоборот, «Я тебя никогда не прощу» – это почти проклятие, а «Я тебя никогда не извиню» – довольно слабенькая угроза. Я уж не говорю о том, что от христианина требуется *прощать*. *Извинять* он, конечно, тоже может, но это вещь сугубо светская. А вот, кстати, вспомнила Блока:

Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

(«Перед судом»)

Теперь представим себе, что Блок написал бы так:

Страстная, безбожная, пустая,
Дорогая, извини меня!

Смешно.

То есть, конечно, если в метро наступишь человеку на ногу, то все равно, сказать ли «Простите» или «Извините». Или «Прошу прощения». Можно сказать и «Извиняюсь», только будет слегка просторечно. Да, собственно, *простительная слабость* и *извинительная слабость* – более или менее одно и то же. Но в серьезных ситуациях это важно – *прощаете* вы или *извиняете*. Вот, скажем, случилась неприятность в отношениях между двумя странами – например, неосознательные граждане побили окна в резиденции посла. Тогда властям следует принести официальные *извинения*. Но уж конечно, не попросить *прощения*. А вот другая ситуация. 25 августа 1991 года в Москве хоронили трех молодых людей, погибших при защите Белого дома. И Ельцин сказал тогда, обращаясь к родителям погибших: «Простите меня, вашего президента». Он просил *прощения* за то, что он не уберег их детей. Странно в этой ситуации было бы, если бы он сказал: *извините*, мол. Правда, мне попался некий текст покойного Немцова, в котором он, в частности, рассказывает:

Когда в 95-м убили Влада Листьева, Ельцин приехал в Останкино и плакал. Он сказал: «Я прошу извинить меня за то, что и я не уберег» (<http://www.kchetverg.ru/2011/02/01/boris-nemcov-nashel-10-otlichij-u-putina-i-elcina/>).

Но это так в пересказе, а как там на самом деле выразился Ельцин, кто знает?

Тут вот что еще интересно. В немецком, например, языке тоже есть два глагола, которые различаются похожим образом: *entschuldigen* («извинить») и *verzeihen* («простить»). Да, кстати, есть еще и третий – *vergeben* («отпустить»). Но немецкий глагол *verzeihen* – он такой несколько приподнятый, не на каждый день. А русский глагол *простить* изумителен именно сочетанием эмоциональной насыщенности и глубины с абсолютной применимостью к обычной человеческой жизни.

Психологичность этого глагола особенно хорошо видна на фоне даже не *извинить*, а еще одного глагола – *спустить* (*спустить ему хамство*). Для *спустить* важно то, что человек не стал наказывать кого-то за плохой поступок, причем говорящий не одобряет такое его поведение. Мол, хуже будет, совсем обнаглеет грубиян от безнаказанности. Что же до мотивов – нам о них не сообщают, но говорящий намекает, что такая готовность мириться с плохими поступками другого человека – скорей не от душевной щедрости, а от лени и равнодушия. Разумеется, разные люди могут видеть одно и то же по-разному. Сам человек может считать, что он *простил* обидчика всей душой. А кто-то скажет, что он зря все *спускает* обидчику.

Есть, конечно, и другие глаголы, которые означают вроде бы одно и то же действие, но различаются субъективными побуждениями к этому действию, представление о которых запрянуто где-то глубоко в значении глагола. Вот я тут вспомнила, как когда-то давно историк культуры и переводчик Нина Брагинская, говоря о заштампованности тоталитарного языка, привела в качестве примера такой случай. Она в какой-то инстанции написала заявление, которое начала со слов «Прошу позволить мне...», а ее заставили заявление переписать, заменив «прошу позволить» на «прошу разрешить». И вот я тогда подумала: а ведь тоталитарный чиновник в данном случае был не так уж неправ. Как известно, глаголы *разрешить* и *позволить* имеют не вполне одинаковое значение. В *позволить* очень важна идея личной воли, личного произволения. *Разрешить* же часто предполагает ссылку на норму, право, санкцию. Конечно, когда человек в трамвае проталкивается к выходу, все равно, бормочет ли он «Разрешите пройти» или «Позвольте пройти». Но в случае с чиновником не то. Чиновник-то ведь претендует, что он представитель власти и дает или не дает добро на что-либо не потому, что ему так вздумалось, а потому, что таковы правила или требования целесообразности.

А кстати, интересно, что слова *позволятельный* и *разрешительный* имеют совсем разное значение. *Позволятельный* – это о чем-то, что человек может позволить себе, а *разрешительный* связан с необходимостью получения разрешения. Вот, например, митинг по закону у нас предполагает процедуру не *разрешительную*, а *уведомительную*... По закону.

Чтоб не пропасть поодиночке

А еще я случайно увидела кусочек телепередачи «Суд времени», в которой под председательством Николая Сванидзе две стороны спорили по поводу оценки того или иного исторического деятеля, события или явления. В тот раз обсуждали, был ли маршал Тухачевский безвинной жертвой сталинских репрессий – или же в правящей верхушке действительно существовал антисталинский заговор, участники которого готовы были уничтожить Сталина, но он оказался ловчее и уничтожил их первым. И вот противника «теории заговора» спрашивают: «Но вы согласны, что в руководстве страны существовали определенные *кланы*?..» И тут он поправляет: «Я предпочитаю говорить *группировки*».

Я задумалась. Человек, похоже, считает, что слово *клан* компрометирует политического деятеля, а слово *группировка* нет. Словари, впрочем, ни про то, ни про другое слово ничего плохого не пишут – в отличие, скажем, от слова *клика*, где обычно есть и помета *неодобр.*, и в толковании про «неблаговидные цели». Но и *клан*, и *группировка* часто фигурируют в негативном контексте – особенно в связи со всякими *мафиозными кланами* и *преступными группировками*. Я бы, однако, сказала, что для *клана* это даже менее характерно (как всегда, при изучении узуса неоченимую помощь оказывает Национальный корпус русского языка). Много контекстов вполне нейтральных; ср.:

Я из старинной путевой семьи. Отец мой был инженер путей сообщения, и оба дяди, и дед. И по материнской линии тоже все путейцы. Целый клан. А из меня путейца не вышло. Я захотел быть художником (И. Грекова. *Хозяева жизни*, 1960).

Оказывается, они были уже давным-давно знакомы и принадлежали еще к дореволюционной элите, к одному и тому же клану тогда начинающих, но уже известных столичных поэтов (В. П. Катаев. *Алмазный мой венец*, 1978).

Молодые женщины передавали друг другу (или скрывали от) выкройки платьев, затрепанные сентиментальные книги, предметы обихода, делились на кланы, дружили, сплетничали и враждовали (Э. Лимонов. *У нас была Великая Эпоха*, 1987).

А вот на слово *группировка* (не в специальном военном или других не относящихся к делу значениях) нейтральные контексты найти труднее. Проведем мысленный эксперимент. Помните, была такая Межрегиональная депутатская группа (МДГ)? Она сформировалась (<http://ru.wikipedia.org/wiki/1989>) в 1989-м на I Съезде народных депутатов вокруг демократических депутатов от Москвы: академика Сахарова, Ю. Афанасьева, Г. Попова. Помните? По улицам ходили люди, держащие у уха транзисторные приемники – чтобы не пропустить ни слова из прямой трансляции съезда. Могли бы демократические депутаты назваться Межрегиональной депутатской группировкой? Едва ли. А неприменимость к себе – верный признак того, что в слове есть-таки легкое неодобрение. То есть бывают, конечно, и другие причины, по которым чего-то нельзя сказать о себе: например, когда слово предполагает внешнего наблюдателя («Я показался на дороге»), или если что-то сказать о себе не позволяет скромность («моя гениальность»). Однако здесь не то: сочетание *наша группировка* сомнительно именно по причине какого-то намека необязательно на комплот и конспирацию, но на что-то нехорошее в самом слове *группировка*.

А вот сказать: *наш клан*, *у нас целый клан* – ничего, не так рискованно.

Тем не менее, мне кажется, понятно, почему защитник Тухачевского и К° предпочитает *группировку клану*. *Клан* (от кельтского *clann*) – в первом значении это родовая община,

род, а уж затем – достаточно закрытая общность людей, связанных определенными узами. Под влиянием первого значения и во втором *клан* предполагает связи если не родственные, то достаточно устойчивые, традиционные, требующие заведомой преданности. Группировка же – это объединение необязательно столь устойчивое. Оно может быть временным, эфемерным – только для решения той или иной конкретной задачи. Так вот получается, что если в правящей верхушке образовалась *группировка* во главе с Тухачевским, то это для Сталина еще полбеды: *группировку* можно как-то развалить, частично перевербовать, сбить с толку. А вот если там уже *клан* – то дело плохо. Тут только каленым железом. Так что логика защитника Тухачевского такова: не говорите *клан*, потому что тогда получается, что Сталин и вправду был вынужден пойти на репрессии, а говорите *группировка*, потому что существование группировок – это нормальное явление политической жизни, и Сталин мог бы действовать не людоедскими, а политическими методами.

Все это напомнило мне известную историю, которая, по преданию, произошла в 1955 году. Когда Хрущев решил помириться с Югославией, состоялся дружественный обмен партийно-правительственными делегациями. И вот в одном провинциальном городе СССР югославскую делегацию встречал плакат «Братский привет товарищу Тито и его клике!».

Словари нам сообщают, что *клика* (от франц. *clique* – «шайка, банда») *неодобр.* – это «группа, сообщество людей, стремящихся к достижению каких-л. корыстных, неблагоприятных целей. *Привдворная к. К. финансовых дельцов. Фашистская к.*».

История сочетания *клика Тито* такова. В годы Второй мировой войны Иосиф Броз Тито был организатором партизанской борьбы в Югославии. С декабря 1945 года он возглавил правительство ФНРЮ. Тито был награжден советским орденом «Победа», орденами Ленина и Суворова I степени. Но в 1948-м отношения Югославии с СССР резко ухудшились. Это было связано в первую очередь с тем, что руководители Компартии Югославии без всякого восторга отнеслись к идее включения Югославии в Советскую федерацию. В 1949-м советское руководство разорвало Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 1945 года. Было заявлено, что в Югославии утвердился «антикоммунистический полицейский режим фашистского типа». Руководство КПЮ теперь стало характеризоваться в советской пропаганде исключительно так: «клика Тито – наемные шпионы и убийцы». Вот, например, заголовок: «Фашистская клика Тито – злейший враг мира» (Труд. 1952. 12 сентября). Да, не забудем еще жемчужину: «кровавая собака Тито». Как утверждал на XX съезде Н. С. Хрущев, Сталин даже сказал: «Достаточно мне пальцем шевельнуть, и Тито больше не будет». И вот в 1955 году отношение к Тито снова изменилось. Не мудрено, что многие люди запутались и не успели перестроиться, особенно если само слова *клика* знали только из сочетания *клика Тито – Ранковича*.

Колыбельная для лифта

Когда я была студенткой, то несколько раз ездила в диалектологические экспедиции в Архангельскую область. Дело было в начале 80-х. Я училась тогда в университете, и летом мы поехали в такую экспедицию. И вот идем мы из одной деревни в другую, это несколько километров, кругом, сколько хватает глаз, каргопольские просторы. Вдруг навстречу нам – живописная группа с рюкзаками, ну явно же москвичи. Мы их, не говоря худого слова, и спрашиваем: «Что нового в Москве?» А они нам тоже без лишних слов: «Да вот, ОСиПЛ закрывают». ОСиПЛ, кто не знает, – это Отделение структурной и прикладной лингвистики (теперь теоретической и прикладной – ОТиПЛ, то есть) филфака МГУ – тогдашний оазис лингвистической мысли и, естественно, объект постоянных нападок гонителей всего живого и прогрессивного.

Итак, о наших экспедициях. В основном это были вымирающие деревни, населенные по преимуществу старушками. Многие из них были уже в том возрасте, когда недавнее прошлое изглаживается из памяти, зато отчетливо рисуется прошлое давнее. Конечно, нас прежде всего интересовали всякие там закрытые «о», рефлекс «ять», причастный перфект, функции творительного падежа или, скажем, названия частей ткацкого станка, но кое-что было и про жизнь. И вот вспоминаю, как одна такая старушка рассказывала о своей давней поездке в Ленинград. По ее рассказу выходило, что едва ли не самым ярким впечатлением было то, что она «в зыбке каталась». *Зыбкой* она называла лифт, а вообще-то *зыбка* – это подвешенная колыбель. Кстати, строительный подъемник и у нас ведь называют *люлькой*. Меня тогда очень заинтересовала эта метафора. Я подумала, что, хотя диалектное *зыбка* на первый взгляд хорошо переводится литературным словом *колыбель*, трудно себе представить, чтобы носитель литературного языка сравнил лифт с колыбелью. Видимо, в этих словах, хотя оба они этимологически связаны с идеей качания (ср. *зыбкий*, *колебать*) и описывают одну и ту же реальность, на первом плане разные признаки объекта: в *зыбке* главное то, что она болтается, а в *колыбели* – то, что в ней лежит и подрастает ребенок. Он лежит, а ему поют *колыбельную*. Нормальная метафора представлена, скажем, во фразе «Ленинград – колыбель революции». Сомнительно, чтобы подобное употребление могло быть у слов *зыбка* или *люлька*.

Слово *зыбка* по отношению к лифту занято еще и тем, что в нем очень ясно виден деревенский житель, который недоверчиво ступает на *зыбкий* пол лифта, а потом ойкает и зажмуривается, когда лифт дергается и начинается рискованный подъем. Современный городской житель при слове *лифт* обычно ни о чем таком не думает. Для него лифт – это возможность не тащиться по лестнице. Вошел, нажал кнопку – и пожалуйста, поднимайся хоть на сто этажей.

Это я все к чему рассказываю. В последнее время невероятно популярным стало выражение *социальный лифт*.

Конечно, в качестве научного термина оно существовало давно, но сейчас сделалось пропагандистским штампом. Причем синонимичное выражение *вертикальная мобильность* так общество не возбуждает. Конечно, ведь слово *мобильность* наводит на мысль о том, что надо самому как-то пошевеливаться. А слово *лифт* скорее рисует другой образ: нужно только исхитриться и влезть в него – дальше уж он гарантированно вознесет тебя к ослепительным вершинам. Невозможно не заметить, что эта идея лифта легла на образ *вертикали*, *властной вертикали*, который столь характерен для последнего времени.

А есть ли кто-то, кто не вписывается в эту радостную картинку? Да, конечно. Вот что сообщает нам Тина Канделаки, телеведущая, в прошлом член Общественной палаты (она, кстати, любит порассуждать и о *социальном лифте*, в котором сама проехала и всем рекомендует):

Я все думаю, когда же свалят все несогласные и недовольные, которые, переваривая в самых дорогих московских ресторанах фуа-гра и блинчики

с черной икрой, попутно выражают глубочайшее сожаление о сегодняшней политической ситуации в России (<http://vz.ru/opinions/2011/9/30/526705.html>).

Между прочим, по сообщениям прессы, фуа-гра – любимое блюдо Ксении Собчак. Интересно, что через пару дней после выступления Канделаки пресс-секретарь премьер-министра Дмитрий Песков сказал на телеканале «Дождь»:

Об этом (то есть о достижениях Путина. – *И. Л.*) хочется рас сказать тому социуму, который сидит в дорогих ресторанах, ест вкусную итальянскую еду и страдает по родине (<http://www.liberty.ru/events/Dmitrij-Peskov-Brezhnev-dlya-nashej-stranyeto-ogromnyj-plyus>).

Спасибо, хоть класс ресторанов немного понизил. Шпаргалка у них общая, что ли? А вообще-то тут не недостаток фантазии, а методичное создание образа. Вся страна согласна и довольна и в едином порыве устремила к лифтам, а отдельные несогласные и недовольные отщепенцы сидят в ресторанах и обжираются деликатесами. Риторика знакомая: «Кто был ничем, тот станет всем», и при этом «Ешь ананасы, рябчиков жуй...» – и далее насчет последнего дня. Только вместо «буржуя» – другой персонаж, да и меню претерпело изменения. Ну, что-то вроде: «Ешь фуа-гра и жуй свой эклер». Ну а рифма к «эклеру» – «оппозиционер». Тут вся суть в этом парадоксальном сочетании революционной риторики и охранительного содержания. Обыкновенно подобная социальная демагогия – прерогатива критиков режима. Мол, сидите там со своими гигантскими зарплатами, привилегиями, спецпайками, служебными машинами с мигалками и рассуждаете об инновациях и вставании с колен, а вы бы на зарплату сельского учителя встать с колен по пробовали, тогда бы и говорили. Тут же все наоборот: власть присваивает эту риторику и говорит как бы от имени сельского учителя. И выходит, что обожрался фуа-гра и черной икрой и бесится с жиру – кто? Сотрудник академического института с крошечной зарплатой, подрабатывающий еще в трех местах? Перегруженный сверх всякой меры университетский преподаватель? Не знаю, я как-то не много видела среди них больших любителей Путина, но и не замечала их и за пожиранием черной икры в товарных количествах. Однако вернемся к архангельским старушкам. Дмитрий Песков в том же интервью говорил, что за время правления Брежнева СССР много добился: «Брежнев – это не знак минус. Для нашей страны – это огромный плюс». Так вот, те старушки тоже симпатизировали Брежневу. Одна заявила соседкам: «Брежнев ладит на всей земле мир устроить, а вы, три старухи, ругаетесь». Другая сокрушалась: «Уж я Брежнева-то до того дождала, до того дождала! Тут еще япошка кака-то заворошилась...» Что, впрочем, совершенно не мешало им говорить о своем соседе: «В партию пошел – ну, тоже воровать будет». А кстати, вспоминаю историю как раз брежневских времен про диалектных старушек и икру – красную, правда. Одна студентка, вернувшись в Москву из экспедиции, послала своим информанткам, к которым за время экспедиции прониклась нежностью и сочувствием, посылку: ну, понятное дело, чай индийский «со слоном», конфеты шоколадные и банку красной икры. Через какое-то время получает письмо, в котором старушки благодарят за чай и конфеты, а также сообщают: «Ягоды твои испортились, и мы их выбросили».

Вопрос ребром

Тринадцатого апреля 2014 года в городке Краматорске случился захват административного здания, который был заснят на видео: <http://youtu.be/qmxBjsU2rig>. Ролик, как теперь говорят, взорвал интернет – зеленый человек там кричал: «Мы с вами приехали, мы за вас, на поребрик отойдите». Ага, закричали интернет-пользователи, против лингвистики не попрешь: кто теперь поверит в самооборону Донбасса? Питерский дончанин-то. Известно, что *поребрик* бывает в Петербурге (причем это дежурный пример питерской речи, как и, например, *парадная* или как *булка* в значении белый хлеб), а также в Карелии, Владимире, Екатеринбурге, Норильске и Новосибирске (см.: <http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp?word=754>).

Разумеется, всерьез сделать вывод об участии российских спецназовцев на основании одного словоупотребления невозможно. Мало ли что там у этого человека в анамнезе: может, он детство провел с питерской бабушкой или няней, вот словцо и прицепилось. Просто в ситуации, когда все, в общем-то, и так понятно, это напоминает анекдот про американского шпиона, которого почему-то все время разоблачали в вологодской глубинке, – а в финале выяснялось, что он негр. Впрочем, через год практическая сторона дела вообще потеряла актуальность, поскольку никто ничего уже и не отрицает.

Кстати, в случае с языком непосредственные ощущения не стоит недооценивать. Скажем, в песочницу приходит женщина с ребенком и говорит тому: «Бери свои п^аски». Разве не хватит вам, если вы коренной москвич, этой фразы, чтобы уверенно предположить, что женщина приезжая? И скорее всего вы окажетесь правы – потому что в Москве говорят *формочки* и *куличики* и никогда москвичи не используют в этих значениях слово *паска* (по происхождению – то же, что Пасха; тут, кстати, замечательно это типичное смешение пасхи и кулича). Да и вообще не используют, разве что знают такой предмет, как *пасочница* – но это не для песочницы.

Шум по поводу *поребрика* поднялся невообразимый: шуточки, демотиваторы, плакаты, лингвистические дискуссии. В считанные дни у слова появилось и новое значение: *поребриками* стали называть тех, кого в Крыму звали «зелеными человечками» («*Поребрики* незаконно подключили российские телеканалы»).

Но сразу же посыпались и возражения, в том числе от коллег-лингвистов: да нормально все в Донбассе с *поребриком*, Гугл вам в помощь, филологи доморощенные. Сложилась любопытная ситуация – пишут тамошние обитатели: я, мол, в Краматорске родился-учился, в Горловке у бабушки лето проводил, в Славянске пиво пил, в Донецке на танцы ходил – ну не слышал я ни о каких *поребриках*, *бордюры* у нас! А в ответ: ничего не знаем, анализ яндекс-запросов говорит другое (<http://wordstat.yandex.ru/#!/regions?map=ua&type=map&words=поребрик>).

Нет, у нас нет *поребриков*, пишет мне коллега из Славянска Вадим Овчаренко – преподаватель филологического факультета Донбасского государственного педагогического университета. Он рассказал еще интересную вещь: у них после появления пресловутого ролика все стали обсуждать этот *поребрик* – именно потому, что резануло. Я попросила его поговорить со знакомыми, спросить сначала так: как называется длинный брусок, ограничивающий тротуар, а если это не *поребрик*, то знают ли они вообще такое слово. «Конечно, знаю! – обиженно ответил ему один из коллег. – Я же читаю лингвистические статьи!»

«Сейчас все легко проверяется», – авторитетно сообщил мне знакомый, прислав очередную выдачу на запрос «поребрик купить в Харькове». Но в том-то и дело, что это иллюзия. Полезные и простые технологии чреваты ложным чувством легкой доступности знания. Вот и в данном случае мы имеем результат, явно противоречащий тому, что получается

при непосредственном обращении к носителям языка. Это объясняется следующим. Бывает *поребрик* как обиходное слово, а бывает *поребрик* номенклатурный. В частности, полно *поребриков* в прайс-листах на стройматериалы, в жаргоне дорожников и кладбищенских работников, иногда у архитекторов.

Например, в одном из ГОСТов («Камни бетонные и железобетонные бортовые»; www.vansib.ru/gost/1.php) «бортовой камень» расшифрован как *бордюр дорожный*, *поребрик садовый*. Разница, впрочем, не указана. Встречается также и представление о том, что *бордюр* и *поребрик* – два разных способа укладки: *поребрик* – на ребро, а *бордюр* – плашмя (вот тут, например, человек разъясняет про способ укладки, явно считая, что закрывает вопрос: https://www.facebook.com/photo.php?fbid=921247454602318&set=a.108725705854501.13499.100001512_161794&type=1&theater. Так, говорит он, рушатся стереотипы).

Но не поручусь, что такое понимание сколько-нибудь широко распространено. То есть очень возможно, что человек закупает *поребрик*, а спотыкается о *бордюр*.

Кстати, в разных местах в обиходном языке бывает еще *бровка* (см.: <http://forum.lingvo.ru/actualsearch.aspx>). Что до языка номенклатурного, то тут у *поребрика* своя география, совершенно не совпадающая с распространенностью *поребрика* в обиходном языке. Например, почему-то продают *поребрик* очень активно в Ростовской и Белгородской областях. Но их житель запросто может этого слова так никогда и не услышать – как человек, не пользующийся прачечной, может за всю жизнь не узнать выражения *фасонное белье*.

С чем наш случай с *поребриком* можно сравнить? Вот есть такая вещь, как *чайный бокал*. В Москве этот предмет назовут *кружкой*, но во многих других местах – *бокалом*. При этом если набрать в Яндексе «чайный бокал купить в Москве», – выскочит огромное количество сайтов интернет-магазинов, набитых картинками разноцветных фаянсовых кружек с подписью *бокал чайный*. Человек со стороны мог бы сказать: ну вот, не выдумывайте, говорят в Москве *чайный бокал*. Но мы же знаем, что не говорят. Мне рассказывала подруга, как она веселилась, в первый раз столкнувшись с таким словоупотреблением, – явно приезжая соседка по палате в роддоме жаловалась: «Целый бокал кефира выпила, а стула все нет».

Я совсем не хочу сказать, что не надо пользоваться инструментальными методами. Просто не так в лоб. Лингвист Александр Пиперски проанализировал области распространения слова *поребрик* несколько более изощренным способом:

В пилотной версии Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) есть 16 подкорпусов текстов из ЖЖ с надежной региональной привязкой. Объем этих подкорпусов – от 5 до 45 млн словоформ; они охватывают 14 регионов России и 2 региона Украины (Донецкая и Киевская области). Хотя бы один раз слово *поребрик* встречается в 13 подкорпусах, но если просматривать примеры, в большинстве случаев это металингвистические рассуждения об особенностях русского языка в Петербурге.

Далее он отмечает, что

реально слово *поребрик* употребляется только в 3 из этих 16 регионов: разумеется, в Санкт-Петербурге, а также в Свердловской и в Новосибирской области (видимо, в первую очередь в областных центрах – в Екатеринбург и в Новосибирске, – но для проверки этого мало данных). В 11-миллионном корпусе текстов из Донецкой области слово *бордюр* встречается 14 раз, *поребрик* – ни разу. То же самое можно проверить по расширенному поиску Яндекс. Блогов, вводя *поребрик* и задавая город – например, Краматорск или Донецк. Видно, что *поребрика* там нет (*частное письмо*).

А Вадим Овчаренко из Славянска написал мне:

Всё, я нашел книгу, в которой впервые встретил слово *поребрик*. Это чудесное фэнтези «Многорукий бог далайна» Святослава Логинова. 20 лет назад. «Шооран открыл глаза и понял, что остался жив. Он сам не заметил, когда перескочил невысокий каменный *поребрик*, ограничивающий мокрый оройхон, и теперь у него под ногами была сухая твердая земля пограничного оройхона».

Надо ли говорить, что несложный гуглвпомощь показывает, что писатель Святослав Логинов – из Ленинграда.

Стыд в узде

На одной конференции мне довелось слушать доклад М. Гельфанда – что-то биоинформатическое для чайников. И вот, сказав в очередной раз фразу типа «Бактерии умеют то-то и то-то», он оговорился, что во всех подобных случаях может сформулировать это строго и верифицируемо, но будет длинно. И я в очередной раз завистливо подумала, что у нас в науке не так. Нет, конечно, мы стараемся и многое уже можем сказать строго. Но не всё, увы, далеко не всё. Пока, во всяком случае.

Вот и то, что я собираюсь поведать сейчас, я не могу изложить верифицируемо и фальсифицируемо. Скажете, ненаучно. Ну и пусть, я не претендую в данном случае. Тем не менее, думаю, что это правда. Вот она: в последнее время как-то вдруг очень активизировались слова *стыд*, *стыдно*, *стыдиться*. Только не надо мне рассказывать про статистику в интернете и про корпуса. Во-первых, такая статистика совершенно не точна и улавливать тонкие колебания не может. И в интернете ведь одни и те же ссылки фигурируют неизвестно по сколько раз, да и вообще механизм подсчета специфический. А корпуса... В общем, корпуса тоже не помогут. Да кроме того, дело не в частотности как таковой. Слово может и зачистить, но в каких-то все незначущих употреблениях. А тут другое: при обсуждении разных жизненных ситуаций люди в последнее время говорят: «Да это же так стыдно!» Я об этом задумалась, когда сама без всякой задней мысли написала что-то подобное в дискуссии по поводу одного морально сомнительного казуса – и неожиданно моя реплика имела большой успех: ее все стали *лайкать*, *постить* и цитировать. Тогда я и стала обращать внимание на замелькавшие повсюду тексты о том, что что-то *стыдно*, а что-то *не стыдно* – и что вообще такое *стыд* и даже христианское ли это понятие. Кстати, Вл. Соловьев *стыд* наряду с *жалостью* и *благоговением* считал одной из первичных основ нравственной жизни. При этом только *стыд* он рассматривал как исключительную принадлежность человека и называл «корнем собственно человеческой нравственности».

О словах *стыд*, *стыдиться*, *стыдно* написаны замечательные лингвистические исследования. Для Толково-комбинаторного словаря эти слова в свое время описала чудесная Л. Н. Иорданская (а для Нового объяснительного словаря синонимов глагол *стыдиться* описан Ю. Д. Апресяном), об этих словах писали А. Вежицка и Н. Д. Арутюнова, и еще есть чрезвычайно проницательная статья А. Д. Шмелева, написанная вместе с покойной Т. В. Булыгиной, «Грамматика позора», в которой как раз обсуждаются слова *стыд* и *позор* (*стыдно*, *позорно*, *стыдиться*, *позориться* и т. д.). Там много поразительных наблюдений. Например, в строчках Маршака

Стыд и позор Иванову Василию:
Он нацарапал на парте фамилию... –

в каком падеже стоят слова *стыд* и *позор*? В именительном – по аналогии с лозунгами типа «Слава КПСС!»? Здесь-то ясно, что *слава* – именительный, винительный был бы *славу*. Или в винительном – как в лозунге «Свободу Луису Корвалану!»? Что называется, ученые спорят.

У слова *стыдно* есть весьма интересное свойство. *Стыдно* может указывать как на чувство, которое человек **испытывает**, так и на чувство, которое он, по мнению говорящего, **должен** испытывать. «Вам не стыдно так поступать?» = «Вы не испытываете стыда, поступая так?», а «Стыдно вам так поступать!» = «Вы должны испытывать стыд» (это вовсе не сообщение о том, какие чувства собеседник в действительности испытывает).

Между прочим, похоже ведет себя глагол *сметь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.